

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДЖЕЙ ЯСИНСКИЙ,
ДМИТРИЙ КОРКИН
ТОЛЛЕУС,
ИСКУСНИК ИЗ
КОРДОСА

Annotation

Земля и Лунгрия – два мира. Однако информация нередко просачивается через астрал, а иногда даже случаются пробои, позволяющие живому существу преодолеть разделяющую грань. Благодаря этому мы знаем про гномов, эльфов, орков. По этой же причине герой Анджея Ясинского, русский программист Ник, провалился в Лунгрию. В книге «Ник. Беглец» судьба занесла его в империю Кордос, где он на многие годы угодил в тюрьму для чародеев. В этой же тюрьме работал старый искусник по имени Толлеус. Когда Ник сбежал из заключения, искуснику пришлось искать лучшей доли. Однако их дороги еще не единожды пересекутся.

Анджей Ясинский, Дмитрий Коркин

Толлеус, искусник из Кордоса

От всей души хотим поблагодарить Антона Кулагу и Наталью Бурканову, которые активно помогали идеями и находили несъёмки. Также хотим выразить признательность читателям Самиздата, которые помогали находить и исправлять ошибки в тексте.

Спасибо вам, друзья!

Анджей Ясинский, Дмитрий Коркин

Часть первая

К мечте

Досье. Входящий № 8012

Широтон. Координационный центр «Недремлющего Ока»

Ходатайство посольской службы города Беллус о выдаче приглашения участника на ежегодный Турнир големов гражданину империи Кордос, магистру Искусства третьей ступени Толлеусу Алициусу Хабери Рей

Приложение 1. Обоснование целесообразности выдачи приглашения экспертом по вопросам внешней политики.

Приложение 2. Заключение видящего четвертого ранга.

Приложение 3. Экспертная оценка личности заявителя.

Приложение 4. Анкета участника.

Приложение 5. Экспресс-анализ представленного голема.

Резолюция

Службе Слова

Направить в посольскую службу города Беллус разрешение выдать приглашение на Турнир големов вышеозначенному искуснику (рег. № 1-409).

Беллус, оробосская часть города. Следующий день

Беззвучно ушли в стороны тяжеленные створки ворот – последняя преграда на пути в чужую, если не сказать враждебную страну. Оробос, империя чародеев, встречала кордосского искусника Толлеуса серым рассветом. В переход под стеной, где он со своим скарбом проходил таможенный досмотр, ворвался легкий утренний ветерок, отчего мурашки пробежали от самого затылка по всей спине. Сложнейший искусный жилет, напичканный всевозможными лечебными и защитными плетениями, не смог уберечь своего владельца от них.

Старый искусник чуть повернул лысую голову, увенчанную нелепым железным шлемом, прощаясь с родиной. Такие же ворота, как те, что сейчас распахнулись перед ним, уже плотно закрыты, отделяя его от «своей» стороны, отсекая прошлое. Где-то позади, в нескольких днях пути, остался Маркин – сонный городишко, в котором Толлеус прожил так долго, честно оттрудившись сорок лет настройщиком манонасосов в тюрьме для чародеев. Там остался уютный дом, лично обустроенный хозяином по последнему слову Искусства, но он пуст: никто не ждет старика обратно.

После недавних событий, когда группа оробосских диверсантов устроила нападение на тюрьму и комендатуру города, миру и спокойствию в Маркине пришел конец, а сам Толлеус остался без должности и без надежды заработать на ману для своего лечебного амулета. Более того, волей прихотливого случая старик сам попал под подозрение в соучастии с чародеями. И это обидно. Его, ветерана войны, обвиняют в сговоре с врагами империи, которой он искренне предан!

Конечно, старика есть в чем упрекнуть, он не чист перед законом. Во-первых, стащил казенный артефакт, приспособив его в своем жилете, во-вторых, сливал ману – важнейший государственный ресурс. Только ведь не от хорошей жизни все это – здоровье слишком подводит. Без лечебного амулета, потребляющего ману с умопомрачительной скоростью, дряхлое тело обойтись не может. Лишь благодаря жилету Толлеус, несмотря на многочисленные болезни, все еще жив, причем по возрасту подобрался к профессорам Искусства, перепрыгнув свой уровень магистра лет на тридцать. Теперь же запаса манокристаллов, который удалось скопить, хватит на два, от силы на три года, да и те остались в даймонском банке...

Разволновавшись, старик по своему обыкновению начал бормотать вслух, споря сам с собой. Один из спорщиков, пессимист, прилежно перечислял все напасти, свалившиеся на его немощные плечи. Зато другой здраво доказывал, что все не так уж плохо. Удалось беспрепятственно покинуть Маркин, где перед бывшим настройщиком манонасосов маячил пока призрачный, но весьма внушительный тюремный срок. Теперь-то следователям так просто не найти старика, даже если усилиями комиссии по расследованиям всплывут на свет его делишки. К тому же впереди ждали настоящие чудеса. На родине трудно найти информацию о чем-либо. Зачастую даже сами искусники имеют весьма смутное представление о том, как работают плетения, формируемые ими с помощью жезлов. Что уж говорить о чародеях – о них вообще известно больше из сплетен и баек, нежели из официальных источников.

И все же Толлеусу посчастливилось кое-что узнать о разработках соседей. Опять-таки помог случай: ему удалось подсмотреть воспоминания своего бывшего заключенного – очень сильного чародея со странным именем Ник Админ Рутович. Эти знания помогли, но в Оробосе он надеялся отыскать больше: целительские артефакты небывалой мощи, секрет воскрешения из мертвых, способы полета в небесах и другие невероятные вещи.

Искусник все медлил, сжав в руках вожжи и не двигаясь с места. Недовольный стражник рявкнул, велел пошевеливаться, Толлеус очнулся и дернул поводья. Пара лошадей медленно потащила повозку под арочным потолком на улицу, в утреннюю прохладу. Бывший настройщик поежился и поплотнее запахнул плащ. «К сожалению, все не так просто, – признался он себе. – Разумеется, чародеи тоже не выкладывают свои тайны на всеобщее обозрение. Да и времени на поиски не так много». Толлеуса в Оробос пустили ненадолго, причем не просто так, а для выступления на Турнире големов. Этот Турнир – сугубо чародейское мероприятие, участие в нем – прерогатива сильных заклинателей чар. Искусники там никогда не появлялись, они не умели создавать шагающих истуканов. Толлеус подал заявку, потому что с помощью смеси Искусства и механики сделал деревянного паука, которого с определенной натяжкой можно было назвать големом. Теперь эта конструкция, способная ползать самостоятельно под управлением старика, до поры дремлет позади него в телеге, терпеливо дожидаясь своего часа.

Оказавшись по ту сторону, искусник шумно выдохнул. Что ждет его здесь? Он бросил еще один взгляд через плечо.

Досье. Входящий № 8096

Широтон. Координационный центр «Недремлющего Ока»

Выписка из журнала погранично-таможенной заставы города Беллус о пересечении государственной границы Оробоса искусником № 1-409

Приложение 1. Перечень имущества.

Приложение 2. Акт о ввозе манокристаллов и амулетов искусного происхождения.

Резолюция

Службе Спокойствия

По достижении искусником № 1-409 столицы установить наблюдение третьей степени.

Глава 2

Толлеус. На чужбине

Дорога на Широтон

Контраст был потрясающий. Толлеус даже зажмурился, чтобы прогнать наваждение. Повсюду царила нищета. Вернее, не так. Улицы мощеные, дома большие, добротные, в центре маленькой площади даже сделан красивый фонтанчик... Почему же он подумал о нищете? Да потому что Беллус – один из крупнейших городов Оробосской империи. Торговля развивается, ни войн, ни катаклизмов, а освещение на улицах – обычные факелы. Как в какой-нибудь дремучей деревне. Или вот двухэтажный каменный дом, украшенный лепниной. Кусты вокруг аккуратно подстрижены, под крышей блестит начищенная эмблема знатного рода. При этом ни одного, пускай самого примитивного, плетения от воров даже на двери! Что уж говорить про окна.

Это было настолько абсурдно, что никак не укладывалось в голове. Толлеуса, конечно, учили, что лучше всего живется людям в Кордосе, и старик даже верил в это. Но ведь он оказался в великой империи, едва не одержавшей победу в давешней войне! Где их чародеи, куда смотрят?

Искусник помнил войну. Оробосцы сильны. Их чародейство не шутки. Что, кстати говоря, лишний раз подтверждают развалины тюрьмы и комендатуры в Маркине. Как при всем при этом объяснить удобства во дворе у богатого купца или у высокопоставленного вельможи? Бред! Толлеус в недоумении озирался по сторонам, его лоб прорезали глубокие морщины.

За такими размышлениями старик сам не заметил, как выехал из города. Только тут, вдали от людей и домов, кордосец наконец осознал, что он не где-нибудь, а в стране врагов. Непроизвольно вздрогнув, он огляделся.

Справа от дороги пшеничное поле. Легкий ветерок пускает зыбь среди тяжелых колосьев. Слева луг. Утопая в сочной траве, бродят ленивые коровы. В воздухе снуют стрекозы, по своим делам спешат пчелы, порхают бабочки. Над головой ласковое солнце и привычное голубое небо. Обычный сельский пейзаж.

Где же прячутся чародеи? Ни в городе, ни за городом их нет. А ведь тут, на границе, они должны кишеть. В том, что они существуют и где-то рядом, Толлеус не сомневался. Неужели у них неподалеку выстроена цитадель и все они там, в любую минуту готовые к войне? Верилось с трудом. Но все же от этой мысли становилось не по себе.

В полях трудились крестьяне. Навстречу постоянно попадались телеги и фургоны. Несколько раз Толлеуса обгоняли всадники, кони которых неслись так, что искры из-под копыт. Торговый тракт жил своей собственной жизнью, и ему совсем не было дела до одинокого путника.

Однако Толлеус вцепился в посох так, будто в любую секунду ждал нападения.

– За тобой следят! – нашептывал старик сам себе. – Чародеи не любят искусников. Они не потерпят тебя на своей земле.

Солнце уверенно взбиралось все выше и выше по небосклону, а повозка, покачиваясь, все дальше и дальше увозила кордосца в страну чародеев.

Лошади неторопливо тащили повозку по Торговому тракту, ведущему от Беллуса

до самого Широтона и еще дальше. Весь день нескончаемой вереницей тянулись купеческие обозы. Возницы явно предвкушали скорую передышку в пограничном городе. От Беллуса до оробосской столицы всего десять дней пути (старик рассчитывал на такой же срок), но многие купцы вели караваны от самого побережья.

К вечеру Толлеус более-менее взял себя в руки. По крайней мере, перестал вздрагивать от каждого резкого звука. Монотонность пути действовала успокаивающе. За целый день не случилось ничего страшного. Да и что могло случиться? Долой мрачные мысли, пора подумать о ночлеге.

Впереди как на заказ показался постоялый двор. Судя по количеству стойл, здесь делали остановку все купцы Торгового тракта. Кордосскому големщику подойдет. Старик дернул поводья, поворачивая уставших лошадей. Подъехал к конюшне и, кряхтя, спустился с повозки. Как из-под земли выскочил патлатый конюх. Толлеус бросил ему монетку, распорядившись насчет животных. Может быть, где-то вдали от торговых путей кордосские монеты не ценились, но здесь они шли наравне с местными.

Усевшись за грубо сколоченный, но зато накрытый скатертью стол, искусник с интересом огляделся. Большой зал. Народу много, в основном купцы. Между столами сноровисто снуют миловидные служанки в коротюсеньких, едва ниже колен, юбках. В этот момент одна как раз подскочила к старику, приветливо улыбаясь. Толлеус с неодобрением покосился на ее голые ноги, но читать нравоучения не стал.

Сегодня он планировал испытать свое недавнее изобретение, железные челюсти, в Кордосе до отъезда не успел. Но сейчас, оглядевшись еще раз, решил повременить. Все-таки кругом одни оробосцы. Нехорошо получится, если поделка не заработает как надо. Лучше он закажет кусок мяса завтра с утра и поэкспериментирует в пути без лишних свидетелей. А сегодня – похлебка и лепешка с медом.

После трапезы к Толлеусу подошел сам хозяин – бородатый здоровяк в засаленном фартуке. Стал приставать с расспросами о големе. Искусник отвечал демонстративно неохотно, но отвязаться не было никакой возможности. Правда, из разговора старик узнал, что дальше Торговый тракт уходит немного в сторону, заворачивая к реке. А ему, не обремененному обозом с товарами, было бы удобнее ехать через город Олитон, где можно заночевать. Такой маршрут позволит сэкономить почти целый день.

Об объездных путях у Толлеуса остались самые неприятные воспоминания. Недели не прошло, как он едва не расстался с жизнью, выбрав короткий маршрут через болота. Но трактирщик заверил, что дорога там хорошая, хоть и нелюдная. Никаких топей и прочих напастей и в помине нет. Что ж, идея заманчивая.

Дорога на Олитон

В кустах весело щебетали птицы, в мешке стыл жареный окорок. Настроение соответствовало. Все ближе с каждым часом момент истины. Бывший настройщик был уверен: если где и удастся найти что-нибудь, что поможет ему в борьбе со старухой-смертью, то только в чародейской столице. Очень хотелось, чтобы поездка оказалась ненапрасной.

Дорога, насколько хватало глаз, пустовала. Купцы, выехавшие поутру с очередного постоянного двора в Беллус, будут здесь вечером, потому что никто не гоняет караваны по ночам. Тех же, кто, подобно Толлеусу, двигался в обратную от границы сторону, искусник обогнал, встав затемно. Увы, но о здоровом крепком сне в его возрасте приходилось лишь мечтать.

Впереди показался какой-то всадник, который быстро приближался. Одетый во все черное несмотря на жару, он не очень гармонировал с радостным настроением старика. Когда всадник подъехал ближе, по ауре искусник сразу же признал чародея. Придержав коня, оробосец проводил Толлеуса долгим немигающим взглядом.

Сразу же ожили все вчерашние страхи. Все-таки следят! Вспотевший старик снова вцепился в посох. В густой траве, в придорожной канаве – всюду стали мерещиться затаившиеся чародеи.

К обеду лошаденки дотащили своего беспокойного седока до развилки. Памятуя об объездной дороге, Толлеус свернул с Торгового тракта. Звонкий перестук копыт тут же сменился глухими шлепками. Ответвление на Олитон, конечно, было немощное, но, как и обещал трактирщик, вполне приличного качества. Очень скоро поля закончились, и дорога нырнула в дубраву. Вполне тихое место, чтобы поэкспериментировать с челюстями. Искусник выудил из сундука свое изобретение и стал прилаживать на голову.

Нирус уже весь зад отсидел, с утра затаившись в листве высоко над землей. Клиент совсем не торопился. Хорошо хоть он все-таки поехал по окружной, не придется устраивать засаду на тракте или в городе, где всегда хватает не в меру любопытных глаз и ушей, а также в любой момент рискуешь нарваться на патруль. Все произойдет здесь, в лесной роще, где удобно, безопасно и никаких свидетелей.

А вот и повозка. Жертва одна, как и должно быть. В задании сказано, что нужно изобразить разбойное нападение. Надо так надо, не впервой. Правда, старик – искусник. Причем, против обыкновения, оробосцы не опечатали посох. Предписано соблюдать осторожность. Даже выдали в помощь несколько искусных игрушек, наказав использовать их только в крайнем случае.

Ошибаетесь! Никакое Искусство не спасет старика. Нирус взялся за лук. Стрела в глаз – и будь ты хоть трижды академик Искусства, все равно помрешь.

Но что это? На голове жертвы какой-то диковинный шлем. А под плащом, как показывает амулет, защитное поле. Старичок-то, оказывается, непрост. Что-то подозревает. Стрела не согдится. Пора переходить к запасному плану. Нирус засвистел лесным жаворонком, подавая сигнал.

Толлеус был разочарован. Челюсти работали, но совсем не так, как хотелось. Да, они послушно открывались и закрывались. Они могли перекусить буквально все – хоть ветку в два пальца толщиной. Но мелко-мелко нарубить мясной ломтик, да чтобы он еще не просыпался мимо рта, было практически невозможно. Очень обидно, старик уже настроился на удачу. В последнее время ему неплохо все удавалось.

Навстречу неплотно друг к другу двигалась тройца путников. Они расступились, пропуская кордосца. Когда старик поравнялся с ними, один неожиданно схватил лошадей под уздцы, заставив остановиться, а двое других в мгновение ока с разных сторон запрыгнули в повозку.

Толлеус, совершенно не готовый к нападению, не успел даже ничего сообразить. Сверкнула сталь. Первый душегуб поставленным движением пырнул кинжалом старика в шею, а второй для подстраховки вцепился в его посох и дернул на себя, силясь вырвать и отбросить подальше, пока не сработала персональная защита. Лезвие лишь скользнуло по железному каркасу жилета. Искусник не выпустил посох – не зря все-таки ему всюду мерещились чародеи. От мощного рывка его качнуло на грабителя, и они оба полетели с повозки.

От падения сбилось дыхание, правда, нападающему пришлось еще хуже – он оказался снизу. В жилете активировался таран – проверенный способ нормализовать сердечный ритм. Только сейчас старик лежал грудью на несостоявшемся убийце, и удар достался ему. Настала очередь разрядника. Молния прижгла обоих, подбросив и раскидав их в стороны.

Старик судорожно перевел дух и открыл глаза. Как раз чтобы увидеть у самого лица ноги второго разбойника. Мыслей в голове не было. Перед нападением Толлеус упражнялся со своими самодельными челюстями, и вот теперь он скорее инстинктивно, нежели осознанно, укусил врага, вцепившись железными зубами в сапог. Хрустнуло, разбойник заорал и рухнул на землю, забыв обо всем на свете.

Третий бандит, который держал лошадей, уже спешил на выручку своим товарищам. Но, на удачу искусника, он был с другой стороны повозки и только теперь забрался в нее, готовый прыгнуть на распростертого на земле старика. Посох был далеко, но реализация идеи, озарившей Толлеуса, не требовала хитрых плетений. Сконцентрировавшись, он импульсом ауры запустил голема. Тот дернулся вперед, боднув в спину незадачливого грабителя и сталкивая на землю, после чего рухнул следом, припечатав собой человека.

Ползком Толлеус добрался наконец до посоха. Сперва он активировал защитный пузырь, а потом утихомирил раненого. Первому разбойнику уделять внимание не понадобилось – он умер. Странная эта штука – молния. Больным помогает, здоровым – нет.

С трудом сев, старик огляделся. В кроне раскидистого дуба он заприметил ауру еще одного человека. А больше никого. Встряхнув с помощью Искусства дерево, старик просипел:

– Слезай!

Потом прокашлялся и уже нормальным голосом повторил приказ.

Оставляя за собой дымный след, из листвы вылетела багровая звезда. Ухнуло так, что с деревьев в округе вспорхнули птицы. На мгновение ревущее пламя окутало искусника, опалив траву вокруг и напугав лошадей, но тут же осыпалось на землю искрами, бессильное против призрачной защиты. Толлеус устало поморщился. В следующую секунду последний разбойник, ломая ветки, с криком полетел вниз.

А еще через полчаса повозка ехала дальше с новым грузом – внутри лежали аккуратно

уложенные четыре тела.

Глава 4

Толлеус. Пир

Под стенами Олитона

Удивительное дело, но разбойное нападение совершенно успокоило искусника. Уж если напали на него простые люди, а не чародеи, то и бояться нечего. Правда, у сидящего на дереве было несколько искусных амулетов, но это несерьезно. Соседство с трупами нисколько не смущало старика. На мертвых он насмотрелся еще в войну. Правда, убивать вот так, лицом к лицу, не приходилось, но морально Толлеус был готов к этому давным-давно. Впрочем, даже если бы их всех, армейских искусников, в свое время не готовили к этому, вряд ли бы возникли проблемы: когда так долго стоишь одной ногой в могиле, поневоле начинаешь относиться к смерти философски. Однако тела в повозке могли стать проблемой. Хорошо хоть один живой – сможет подтвердить слова Толлеуса. Если бы все очоурились, то еще неизвестно, как бы местное правосудие дело повернуло.

А с дорогой трактирщик что-то напугал или сам искусник не там свернул: только к ночи показались огни Олитона. Лошади устали и спотыкались. Старик тоже давно мечтал о горячей похлебке и мягкой постели. Ворота в город, как назло, оказались закрыты. На устроенный Толлеусом шум откуда-то сверху из караульной башни под ноги прилетела стрела с пожеланием приходить утром. Стрела – весомый аргумент. Пришлось заночевать на улице.

В довершение всех бед начал накрапывать дождь. Пустив стреноженных лошадей пасти на чьем-то поле, искусник залез в своего Паука. Телега у него простая – не фургон. Зато у голема после памятного падения на городской площади Беллуса появился каркас из деревянных жердей, сходящихся шалашом вверху. На них Толлеус натянул тент как раз на случай непогоды. Внутри было тесновато, не разлечься, зато сухо.

Старик с завистью слушал, как вокруг телеги бродят лошади, хрумкая сочными стеблями. Ему тоже хотелось есть. Провиант старик не взял в надежде на горячий ужин в таверне. Правда, с собой был утренний жареный окорок. Такой манящий и такой недоступный. И бесполезные железные челюсти. Вот такая мрачная ирония судьбы. Битый час Толлеус потратил, отрезая крохотные кусочки мяса и рассасывая их. Получалось сплошное мучение. Вот если бы нарубить порцию очень быстро и очень мелко, тогда бы старик остался доволен. Нож у него есть, Искусство тоже. Надо только придумать, как заставить лезвие двигаться самостоятельно.

Поднимать и опускать Искусством нож, повторяя движения руки, было сложно. На ум просилось другое решение. Еще в молодости Толлеус видел, как развлекались имперские гвардейцы, раскручивая над головой меч и подбрасывая яблоко. Шик был в том, чтобы разрубить его не на две, а на три или даже на четыре части. Сейчас искусник планировал сделать то же самое, только, разумеется, не руками. Подходящие плетения есть. Нужна какая-нибудь бочка или большой котел, чтобы еда не разлеталась.

Конструкция обещала работать, однако нет ни бочки, ни ведра. Да и окорок не так уж велик. Тут требовалось что-то подобное, но маленькое. Размером с кружку или... Фильтр! После злключения на болотах Толлеус сделал в жилете фильтр: в выточенной плотником чурке крутится аккуратный трехлопастный ветряк, засасывая воздух через набитые в трубку тряпки и камешки. А ведь если заточить лопасти, то получатся три маленьких кинжала! Надо

попробовать, только убрать каменную пробку!

Засветив огонек, искусник осторожно отсоединил фильтр и вытряхнул тряпье. Затем засунул внутрь кусок мяса. Да, тут нужно еще что-нибудь придумать, чтобы проталкивать продукты к ветряку. Пока можно воспользоваться палочкой. Итак, крутануть лопасти... Эх, силы у ветряка не хватает – мясо застревает. Крутить надо не плетением удара. Вот, например, если намотать искусную нить на ветряк и дернуть, то крутиться будет сильнее.

Толлеус попробовал. Тупые лопасти не нарубили мясо, но размолотили в кашу. То, что надо!

Ужин получился холодный и выглядел не очень аппетитно. Но до чего же здорово было ощутить давно забытый вкус!

Глава 5

Толлеус. Олитон

Проснувшись утром, искусник долго не мог попасть в город. Угрюмый стражник, без тени эмоций выслушав историю старика, походил вокруг повозки, потыкал древком раненого, но принимать тела и пленника отказался. Дескать, это не его дело. Когда же бывший настройщик манонасосов предложил самолично отвезти груз куда следует, то снова встретил отказ: не положено пускать без соответствующего разрешения, и весь разговор. Толлеус уже грешным делом решил свалить трупы под стеной на потеху воронью, однако стражник, словно прочитав его мысли, при таком исходе пригрозил обвинением в убийстве. Пришлось торчать чуть ли не до полудня, дожидаясь, когда явится вызванный следователь и урегулирует ситуацию.

Надо признать, прибывший из прокуратуры оперативник разрешил дело без лишних проволочек. Раненого разбойника помощники утащили в карету без окон, мертвые отправились в большой ящик, установленный на запятках, сам следователь в подробностях расспросил Толлеуса об обстоятельствах происшествия и проверил документы. Неодобрительно покосившись на посох искусника, оперативник приказал остановиться в «Звезде Оробоса» на сутки «до выяснения». После чего с миром отпустил старика. Застоявшиеся лошади, радостно всхрапнув, потащили телегу по заполненным улицам.

Оробосцы спешили по своим делам, бросая лишь короткие равнодушные взгляды на искусника и его поклажу. Ни враждебности, ни пристального интереса. Толлеус легко нашел указанный следователем постоянный двор, попутно приметив чародейскую лавку. Поручив заботу о своем имуществе трактирной прислуге, бывший настройщик подхватил под мышку маленький сундучок с самым ценным своим имуществом – его он не доверял никому; проконтролировал, что лошади отправлены на конюшню; минуту полюбовался, как два дюжих мужика, пыхтя и обливаясь потом, выгрузили из повозки и поволокли в комнату большой походный сундук. Сразу же вспомнилось, как пришлось самостоятельно грузить его в Маркине – ох и намучился тогда старик. Пожалуй, незачем людям спины рвать попусту, следует просто оставлять сундук в телеге – походные вещи в гостинице все равно ни к чему. В следующий раз Толлеус так и поступит, а крышку прихватит искусной нитью, чтобы ничего не пропало.

Разобравшись с насущными делами, старик наконец нормально пообедал. По привычке заказав похлебку, он не устоял и добавил в свое меню фирменное блюдо – окорочок ягненка в горшочке.

Краснолицая старушенция, хозяйка трактира, наблюдавшая за Толлеусом, сочла своим долгом вмешаться. Важно, вразвалку подойдя к столику, она назидательно подняла палец и заявила:

– Ягненок в горшочке – нежнейшее блюдо! Его готовят только из совсем молодых барашков. На три дня пути вокруг Олитона не сыскать места, где ягненок получается нежнее и сочнее...

– Достопочтенная фелинара, я уже заказал, – оборвал ее искусник.

Хозяйка споткнулась на полуслове, одарив Толлеуса испепеляющим взглядом. Изменившимся тоном она резко закончила:

– Мягче не бывает, но мясо есть мясо. Ты не прожуеть, старик.

– Мои зубы хоть куда, – заворчал искусник, поглаживая свою скорорезку.

Презрительно фыркнув, старушенция, шурша юбками, заспешила прочь. У самой кухни она остановилась и, гордо вздернув подбородок, добавила:

– Я не фелинара, я фелина!

Старик пожал плечами: действительно фелина. Была бы замужем, не была бы такой взбалмошной. Или наоборот: не была бы такой взбалмошной, уже давно была бы фелинарой.

Горшочек принесли вовремя, и старик отсчитал положенные монеты. Восхитительный запах из-под крышки щекотал ноздри, поддразнивая, пробуждая воспоминания молодости.

Скорорезка, конечно, требует серьезной доработки, и в голове у Толлеуса уже есть планы на этот счет. Но и в своем нынешнем состоянии она справилась отлично.

Из кухни выплыла хозяйка, алчно глядя, как искусник орудует ложкой. Старик не успел доест, как рядом с ним появился второй горшок.

– Повтори то, что сделал, и получишь бесплатный ужин! – Трактирщица ткнула пальцем в скорорезку, не спуская хищного взгляда с дымящегося мясного пюре.

Хорошее предложение. Отчего бы и нет? Толлеус запустил свое изобретение, намолов очередную порцию. Хозяйка, схватив горшок, упорхнула в кухню с неожиданным для ее комплекции проворством.

Старик, степенно докушав и вытерев губы, отправился прогуляться. Ходить пешком не было никакого желания, но использовать Паука искусник не рисковал – еще свежи в памяти застенки в Беллусе, куда он угодил по недоразумению, напугав местных жителей своим шестиногом.

К концу квартала Толлеус пожалел, что не догадался сгрузить шестинога и поехать на повозке. Впрочем, ездить на большой телеге по людным улицам, особенно если не знаешь города, – то еще удовольствие.

Но вот и чародейская лавка. Внутри юнец, сын владельца. Определенные задатки в ауре наблюдаются, но сейчас еще не сказать даже, чародейский ученик это или будущий искусник.

Первое, что бросилось в глаза, едва старик переступил порог, – убогость заведения. Второе – цены. Толлеус привык к искусным лавкам. Там столы усыпаны предлагаемыми плетениями, целые сундуки ломятся от амулетных заготовок и кристаллов, в шкафах рядами выстроились полезные в хозяйстве искусные безделушки вроде светляков. А здесь на одной из стен висит с десятков предметов явно шпучного производства по заоблачным ценам. Не то, совсем не то ожидал увидеть старый искусник.

И все же одна вещь привлекла его внимание. Полированный камень округлой формы, похожий на рубин, размером с голубиное яйцо. Табличка, написанная аккуратным почерком, гласила, что перед Толлеусом лежит «Око». Неужели с первой попытки удалось напасть на след протезов из видений? Действительно ли эта вещица может заменить собой утраченный глаз? С этим обязательно надо разобраться, и Толлеус поманил пальцем пацана из-за стойки.

Реальность оказалась несколько иной. Чародейское «Око» не предназначалось для замены утраченного зрительного органа. Просто если смотреть в этот камень, то можно увидеть совсем иную картину, как если бы выскочить из собственного тела и оказаться в другом месте. Такое тоже было, только в другом видении – там молодой искусник сражался с живыми скелетами.

В ответ на расспросы Толлеуса продавец принялся объяснять принцип работы. Нечто

под названием «конструкт», работающее в паре с камнем, порхает в пространстве, повинуюсь воле чародея. И камень-око показывает то, что видит это... Существо? Чем все-таки являются конструкты, старик до сих пор не определился. Еще в войну Толлеус наслушался про эти чародейские изобретения небылиц. Боевые искусники в силу своей специфики изучают вражеские творения и на практике, и в теории, а сам он хоть и работал в ту пору вблизи линии фронта и с конструктами сталкивался чуть ли не ежедневно, но так и не смог составить твердое представление о них. Тут ведь как? Быстро-быстро мелькнет какая-то точка или даже целый рой, и сразу становится не до исследований: не зевай – защищайся. За все годы Толлеусу так ни разу и не выпало шанса изучить хотя бы один конструкт. А сейчас появилась возможность хорошенько все рассмотреть в спокойной обстановке. Сущность «Ока» в энергетическом зрении выглядела как нечто вроде маленького-маленького черного солнышка. И нет даже намека на плетение. В аурном зрении вместо конструкта отчетливо наблюдалось небольшое пятно живой ауры, мельтешащее вокруг камня. Но искусник, как ни всматривался, не смог увидеть ни одной нити, связывающей красный камень с «глазом», в то время как связь должна была быть. Как это сделано, оставалось великой загадкой для всех искусников.

«Око» открывало своему обладателю потрясающие перспективы. Пока Толлеус глазел в камень, парнишка управлял конструктом, услужливо демонстрируя, как можно в деталях изучить листик дерева на противоположной стороне улицы или заглянуть за угол дома, оставаясь внутри. Да, конструкт свободно проникал сквозь стены. Это было удивительно.

Искусник понял, что в своих изысканиях он на верном пути: все соблазнительные чудеса из памятного Искушения действительно обретаются в Оробосе, пускай они поначалу и не видны.

Старик немедленно приобрел артефакт, невзирая на немалую цену. Ученик чародея вручил покупателю камень, порекомендовав пользоваться им регулярно, чтобы конструкт не погиб от голода. Вообще с питанием проблем не предвиделось – «Око» потребляло ману прямо из ауры, причем совсем немного, так что даже Толлеусу с его небогатым ресурсом было не накладно. Вот только управлять самим конструктом у искусника никак не получалось. Простой ученик делал это легко и непринужденно, а у него – вообще никак. Бывший настройщик самоуверенно решил, что сможет с этим разобраться. В конце концов, он не первый год занимается надплетениями^[1], монтируя их на артефакты из раскопок. А уж они-то посложнее чародейства. Пока же по его просьбе мальчишка просто закрепил непослушное «Око» над стариком, чтобы тот, находясь на улице, мог видеть себя и все вокруг в радиусе нескольких шагов. А камень искусник сам приладил к шлему – пусть всегда висит перед левым глазом. Если смотреть со стороны, вид у Толлеуса стал совсем чудной, зато удобно.

На обратном пути старик очень удачно поймал конный экипаж и решил прокатиться до рынка. Возница критически осмотрел полусферу на голове пассажира и красный камень в глазу, пожал плечами. Как господину будет угодно. Лишь бы платил. Искусник, исполненный самых радужных надежд, не обратил на возницу внимания.

Торговых рядов было много, но чародейских лотков среди них не наблюдалось. Зато были книги. Толлеус, к своему удивлению, нашел редчайший фолиант по искусным амулетам пера соотечественника. На родине он полсотни лет безуспешно гонялся за этой книгой. А тут вот она, пожалуйста. Отдают почти даром: все равно местным чародеям такое без надобности. Еще были хорошие трактаты по целебным припаркам и по костоправству.

Пусть они к Искусству или чародейству отношения не имеют, старик все равно не пропускал такие вещи.

Когда он уже проталкивался к выходу, благодаря чудесному «Оку» удалось спасти свой кошелек от маленького чумазого воришки: искусник вовремя заметил жадную ручонку, тянущуюся к его сбережениям. Оборванец все равно не смог бы далеко убежать с добычей: кошелек сам может позаботиться о себе в таких случаях, но лишний раз мозолить глаза следователям не хотелось. Что ни говори, удачный день, несмотря на плохое начало. Надо бы разыскать кузнеца и плотника, чтобы немного доработать голема, но это уже потом. Найти мастеров можно, расспросив служек на постоялом дворе. А теперь пора возвращаться.

Обещанный бесплатный ужин не заставил себя ждать. Также старика поджидал сюрприз: когда Толлеус поел, сварливая хозяйка Сабана Имменсиус подошла с деловым предложением. У нее самой зубов осталось совсем немного, и отведать большинство из собственных блюд было для нее недостижимой мечтой. Сабана хотела выкупить скорорезку или, в идеале, получить экземпляр больших размеров – для всего трактира.

Искусник почти не удивился – вещь действительно полезная для любого старика. Но продавать не стал, пообещав подумать. Во-первых, агрегат с большими недостатками. Самого Толлеуса очень напрягала необходимость мыть устройство каждый раз после использования. Во-вторых, искусник даже не рассматривал вариант расстаться с одним из своих манокристаллов, а простой накопитель проработает недолго. Если бы они продавались тут в чародейских лавках, то не было бы проблем. Но Толлеус что-то не заметил в Оробосе в продаже источников маны. А без маны скорорезка работать не будет.

Беллус, кордосская часть

Старичок в длинной мантии, слушая доклад своей протее, огорченно качал головой:

– Ай-ай-ай... Как же так? Плевое дело, и пожалуйста, такая промашка... Ни на кого нельзя положиться.

– Мы же не знаем, что случилось, – мягко увещевала его Корнелия. – Известно только, что группа наших наемников уничтожена. Как это произошло, никому не ведомо.

– Вот! – Защитник империи ткнул перстом обличающим в свою помощницу. – Вам не ведомо! Но это же абсурд! Торговка на рынке, которая всегда в курсе всех сплетен в городе, может не знать. Кабатчик, который слышит все разговоры пьяных клиентов, может не знать. Даже бригадир-защитник может не знать. Но ты! – Распаляясь, старик затряс пальцем перед носом девушки. – Ты должна знать! Владеть информацией – твоя работа!

Посверкав глазами, заместитель председателя Палаты защиты империи демонстративно выдохнул и миролюбивым тоном продолжил:

– Там, где нет четкой информации, можно делать предположения. Именно для этого у нас сидит целый отдел аналитиков. Ты читала их доклад?

Ученица понуро кивнула. Повинуясь жесту старика, она заговорила:

– Они... Мы думаем, что лазутчика Алициуса Хабери Рей прикрывали оробосцы. Или же он был всего лишь приманкой, увлекшей наших людей в ловушку. Однако такой вариант менее вероятен, поскольку предполагает утечку в нашем ведомстве.

– А почему сразу «лазутчик»? Может, ллэр Толлеус отправился в соседнюю державу в сугубо праздных целях? – хитро прищурившись, спросил Рагарос.

– Конечно, так оно и есть! А посох ему не опечатали исключительно по рассеянности начальника караула оробосской стражи, – с невозмутимым лицом ответила красавица.

Рагарос выпучил глаза и заговорщицки зашептал:

– А может, Толлеус сильнее, чем кажется? Не важно, что он у нас значится простым магистром третьей ступени и изучал надплетения, а не боевое направление. Может, с посохом и парой армейских амулетов он сам раскидал всех наемников?

Девушка уже открыла было рот, чтобы возразить, но вовремя заметила лукавые искорки в глазах защитника империи и лишь осуждающе покачала головой.

Старичок улыбнулся:

– И все же? Наши аналитики должны были просчитать все варианты. Даже такой. Стоп, не заглядывай в доклад! – Он ловко выхватил листок из рук своей ученицы. – Ты должна была прочитать все до конца и все запомнить. Итак, какова вероятность?

– Крохотная, едва пять процентов, – не моргнув ответила помощница. – Или десять при удаче и благоприятном стечении обстоятельств. Или целых шестьдесят, если он знал место засады и заранее подготовился, активировав защитный полог, но возможность этого...

– Хватит, хватит! – Рагарос в притворном ужасе схватился за виски. – Сжался, моя голова сейчас лопнет! Я верю, верю, что ты не напрасно ешь свой хлеб. А все же, что там с наемниками? – Старик перешел на деловой тон. – Кого задействовали?

– Нируса. Он с нами давно и плодотворно сотрудничает.

– Знаю-знаю, человек проверенный, – покивал головой старичок. – Он мертв или угодил

в лапы оробосских живодеров?

– Мертв. Но одного из его людей Толлеус передал следователям живым.

– Обычные наемники меня не интересуют, – отмахнулся Рагарос. – Однако я все больше склоняюсь к мысли, что в наших рядах вражеский информатор! – Рука старика хищно скрючилась и глаза недобро блеснули. – Это все?

Корнелия утвердительно кивнула.

– Ваши приказания?

– По Толлеусу пока никаких. Там уже не наша вотчина, мы и без того немного превысили свои полномочия. Я доложил в столицу. Подождем, что скажет председатель.

Олитон

Утром Толлеус поднялся очень рано. Наскоро позавтракал в еще пустом зале. Сабана неодобрительно покосилась на «Око» в глазу чародея, но ничего не сказала: странностью больше, странностью меньше – какая разница. Всем известно, что кордосские искусники ненормальные.

Старик хотел было воспользоваться тем, что остался один, и потренироваться с приобретенной игрушкой. Однако сразу же ее выключил: конструкт «Ока», закрепленный над искусником, оказался в чьей-то спальне над общим залом. Эту комнатку снимала молодая пара, и как раз сейчас эти двое устраивали всякие бесстыдные непотребства. Толлеус аж поморщился.

– Ну и молодежь пошла, – пробормотал он себе под нос и сплюнул.

Старик поднялся спозаранку не просто так. До вечера оробосские оперативники обещали разобраться с разбойным нападением и, если слова искусника подтвердятся, дать добро на дальнейшее путешествие. Толлеус хотел воспользоваться незапланированной остановкой и хорошенько изучить город. Олитон, конечно, далеко не столица. И все же, как показал вчерашний день, тут тоже можно найти много интересного. Тем более что все равно придется провести здесь какое-то время.

Старик учел вчерашний опыт: в этот раз он поехал на телеге. Пусть не везде проедешь, зато можно хоть весь город исколесить. А в узкие улочки, если появится желание, можно и пешком.

Утро радовало приятной свежестью. Солнце еще невысоко. Это в полдень пот будет лить в три ручья и разогретый сухой воздух обожжет легкие. Все, кто сможет, попрячутся под крышами и навесами, а кто не сможет, запрудят улицы. Но пока лишь длинные тени от редких путников сновали по полупустой дороге под счастливый щебет птиц.

Расспросив трактирщицу, Толлеус узнал еще об одной чародейской лавке. Туда он и держал путь в погоне за своей мечтой. Мимо плыли маленькие, но опрятные домики, утопающие в зелени. Тут тоже ни следа чародейства: искусник уже стал потихоньку к этому привыкать.

На дороге впереди что-то блеснуло. Не доезжая пару шагов, старик остановил лошадей и пригляделся: на брусчатке лежала серебряная монета. Хорошая находка, сулившая удачу. Вот только слезать за ней с телеги, чтобы потом забираться обратно, совсем не хотелось. Вот бы этот подарок судьбы чем-нибудь достать отсюда! Призвав на помощь Искусство, Толлеус стал стрелять в монету искусной нитью с паутиной на конце. Достаточно попасть рядом – тогда добыча прилипнет, и ее легко можно будет втянуть наверх. Однако благородный кругляш уютно устроился в выбоине в брусчатке, так что паутинка никак не могла его ухватить. Приходилось тратить силы впустую, чтобы оторвать ее от мостовой. Тут требовалось выстрелить очень точно. На беду цель была совсем маленькая. Это лучники соревнуются, попадая в монету со ста шагов, а старик никогда не увлекался стрельбой.

В бесплодных попытках прошло несколько минут. Толлеус уже стал сердиться, готовый таки слезть за злосчастной монетой, как вдруг откуда-то из-за повозки появился пьяный мужик. Он брел нетвердой походкой, пробираясь к одному ему ведомой цели. Увы,

но дорогая находка приветливо сверкнула и пьянице: затуманенные дешевым пойлом глаза разглядели в трещине брусчатки серебряный кругляш! Пьянчуга резко остановился перед монетой и чуть не упал носом вперед. Опершись для надежности одной рукой о землю, отчего сразу стал похож на треногу для костра, мужик с радостным гыканьем сгреб богатство свободной рукой.

Кажется, от привалившего счастья, зажатого в грязной пятерне, пьяница наполовину протрезвел. Потому что вперед он рванул достаточно резко и ровно, чего от него никак нельзя было ожидать.

– Ишачий сын! – визгливо крикнул Толлеус ему вслед, выстрелив вдогонку приготовленной нитью.

В этот раз прицел оказался точен. Нить прилипла аккурат к заду несуна. Но только мужик твердо решил ни за что не расставаться с добычей. Дернувшись изо всех сил, он вырвался из цепких лап Искусства, заработав изрядную прореху в штанах и даже не обратив на эту мелочь никакого внимания. Старику на память остался лишь вонючий клочок ткани.

Горестно вздохнув, Толлеус попрощался с удачей, которую сулила монетка. Праздничное настроение вмиг его покинуло. Он не в сказке. За все надо бороться когтями и зубами! Кстати, о зубах: надо бы доработать свое недавнее изобретение.

Всю оставшуюся дорогу старик размышлял над конструкцией идеальной скорорезки. Вроде бы ничего сложного. Продукт заключается в силовое поле цилиндрической формы, там же формируется плетение вращающегося ножа, которое опускается сверху донизу. Мана вращает искусный нож до тех пор, пока ее потребление не снижается из-за отсутствия серьезного сопротивления со стороны продукта. По сути все то же самое, что сейчас, но без механических частей. Одно плетение и один амулет. Таким образом, исключены поломки, не надо хранить вещь, не надо ее мыть, точить нож... Вот только разработать единое плетение, формирующее такое чудо, на грани невозможного. Но для эксперимента можно собрать все компоненты по отдельности и посмотреть, что получится. Тоже сложно, особенно искусный нож, но попробовать стоит.

Толлеус издали приметил чародейскую лавку. Чародейство, конечно, не Искусство, но истинным зрением заметить можно. Особенно если рядом нет ничего искусного. С точки зрения простого обывателя, лавка выглядела более чем скромно. Никаких привлекающих внимание разноцветных светляков, как в искусных лавках. Никаких резных, богато украшенных вывесок, как в трактирах. Никаких золоченых гербов, как в зданиях гильдий. Лишь скромная доска с надписью. Если бы не она, обычный человек прошел бы мимо, приняв дверь за вход в жилой дом. Впрочем, простые люди тут не отоваривались.

С некоторой робостью открыв искрящую в истинном зрении дверь, Толлеус заглянул внутрь. Ситуация не лучше, чем во вчерашней лавке: несколько штучных товаров. Правда, тут был столик с какими-то амулетами. Это оказались забавные вещицы, рассчитанные на обычных обывателей, не владеющих чародейством. Искусник с интересом склонился над ними.

Вот некий аналог светляка. Только вместо привычного искусного шара, дающего ровный мягкий свет, здесь нечто похожее на скипетр, вокруг набалдашника которого хаотично летает очень яркая светящаяся точка. Или вот печать-пломба: в истинном зрении не разглядеть привычных четких структур плетений, зато отчетливо видно поле на манер самой настоящей ауры. А вот другой пример: неприметный с виду уголек для розжига костра. Но если снова

посмотреть со знанием, то можно заметить красноватые сполохи, как будто внутри о стенки бьется живое существо... Все амулеты дешевые, но одноразовые. Сами по себе искусника они ни в малейшей степени не интересовали, но была одна особенность, отличающая их от прочих чародейских артефактов, – все они работали от собственных источников маны. Ничего общего у этих источников с привычными манокристаллами или накопителями нет, за исключением содержимого. С виду вроде бы тоже шарик, но его структура не упорядочена. Похоже на аморфную губку, а не на кристалл. Вдобавок нет точек подключения. Если сведущему человеку в обычном накопителе сразу видны каналы для закачки маны и для ее выпуска, то тут ничего. То есть совсем ничего!

Согласно всем законам Искусства, мана из такого предмета должна утекать едва ли не быстрее, чем наполнять его. В подтверждение этому в истинном зрении прекрасно видно, как тонкие потоки маны просачиваются наружу. Однако дальше начинаются чудеса. Вместо того чтобы раствориться в окружающей среде, сбжавшая мана, закручиваясь петлями, снова всасывалась в... Толлеус решил про себя называть чародейский накопитель губкой.

Губки, абсолютно чуждые искуснику, были совсем крохотные. Но это не важно. Главное, что в Оробосе все-таки есть источники маны! Вот только где их взять? Старик подступился к хозяину лавки с расспросами, но чародей лишь презрительно кривил губы и с ненавистью смотрел на Толлеуса. Как будто искусник был злобным хулиганом, который зашел поиздеваться над добропорядочным человеком, или воришкой, пойманым на горячем. В конце концов старик понял, что ничего не добьется и даже рискует быть изгнанным вон из лавки. На этом он предпочел ретироваться сам.

Однако уходить было рано: очень уж хотелось исследовать чародейскую маногубку. Старик отловил уличного мальчишку и, вручив ему деньги, наказал купить в лавке светлячок. Его хоть в карман и не положишь, зато можно включать и выключать, пока мана не иссякнет. Да и запас ее у светлячка самый большой. Придется снимать источник маны с готового изделия, раз не удалось достать отдельно.

До постоянного двора Толлеус добрался к вечеру. Обед он пропустил и сейчас истово надеялся на горячий ужин. Миновав ворота, старик понял, что с ужином придется повременить. По двору туда-сюда сновали служки и постояльцы, тревожно ржали лошади: от конюшни мало что осталось – лишь дымящиеся угли. Пожар вспыхнул среди бела дня, огонь сразу заметили, но почему-то его никак не удавалось потушить. Только и смогли, что вывести обезумевшую от страха скотину.

Снедаемый тревожным предчувствием, старик слез с повозки и направился к пепелищу. Его Паук был там – утром перед поездкой Толлеус сам сгрузил его... Худшие опасения подтвердились: в золе искусник разглядел металлические части, почерневшие от копоти. От дерева не осталось ничего. Опустившись на колени, дрожащими руками старик стал рыться в горячих углях. Возможно, еще не все потеряно. Где-то здесь, в куче золы и закопченного железа должны быть амулеты. Пускай огонь их подпортил, но плетения внутри и все настройки наверняка сохранились. Скопировать их в новые заготовки будет несложно, благо искусник предусмотрительно сделал запас в Беллусе.

Амулеты нашлись. Причем многие даже в пригодном к использованию состоянии. Но пропал манокристалл. Сколько старик ни просеивал пепел между пальцев, самой дорогой вещи не было. Губы Толлеуса сжались – вполне возможно, пожар совсем не случаен. Всем известно, что оробосцы – мастера подлости.

Вскоре приехал давешний следователь. Внимательно выслушал рассказы очевидцев,

пока его помощники оцепляли пепелище. Потом подошел к искуснику, долго буравил его взглядом и наконец порекомендовал возвращаться в Кордос, добавив:

– Вас кто-то очень сильно не любит. Нашему градоначальнику не хотелось бы объясняться с вашим посланцем, когда с вами что-нибудь случится.

Ну уж нет! Так быстро Толлеус никуда возвращаться не собирался. Еще полно времени, чтобы открыть тайны Оробоса. Какое-то внутреннее чувство подсказывало искуснику – они здесь, рядом.

Олитон. Отделение «Недремлющего Ока»

Валенус, возвращаясь в служебной карете на рабочее место, хмурил брови, отчего они сошлись в прямую линию, а на лбу появилась глубокая морщина. Пожар в центре города неслучаен, это совершенно понятно. Вообще неделя не задалась с самого начала, когда только пришла весть о кордосце, который привез полную телегу трупов. Искусник в городе – уже плохо. Потому что если он начнет буйнить, придется выполнять задержание практически голыми руками, что просто нереально. Мечи и луки не в счет, а штатного чародея у крохотного олитонского подразделения «Недремлющего Ока» нет. Есть несколько амулетов, вот и вся чародейская поддержка. Они помогают в сыске, их силы хватит, чтобы при поддержке вооруженных оперативников пободаться со средним заклинателем чар. Однако этого будет явно недостаточно, чтобы скрутить искусника: у него совершенно другая защита и нет конструкторов, против которых в первую очередь ориентированы амулеты. То есть, если называть вещи своими именами, инструкция предписывает совершить самоубийство, выполняя служебный долг.

Крохотная надежда, что проблем не возникнет и кордосец спокойно уедет, так же как приехал, не оправдалась. Кто-то хочет достать искусника, причем делает это весьма изощренными способами – через наемников, а теперь вот портит имущество. Мерно покачиваясь в карете под стук копыт, Валенус пытался вникнуть в смысл слов Толлеуса о големе-пауке. Насколько инспектор знал, искусники вообще не умеют строить големов. Но даже если это не так, разве проблема поднять нового, если прежний разрушился? Правда, старик говорил, что пропал какой-то архиценный манокристалл. То есть это такой важный искусный артефакт, без которого ничего работать не будет. Чтобы купить такой в Кордосе, нужно готовить даже не серебро, а золото. В Оробосе же его и вовсе не достать.

Карета замерла во дворе одноэтажного приземистого здания без изысков. Валенус тут же выскочил из нее и торопливо отправился в свой кабинет, продолжая размышлять на ходу. Искусник с неопечатанным жезлом едет на Турнир големов – тут не надо обладать тонким нюхом, чтобы почувствовать амбре большой политики. Заклятые северные друзья затеяли какую-то гадость. «Недремлющее Око», неусыпно присматривающее за агрессивным соседом, конечно, не дремлет, но бороться с искусниками не так-то просто. Похоже, над делом Толлеуса работают коллеги самого Валенуса из внешней разведки. Сам инспектор навряд ли сможет чем-то помочь. Скорее помешает. Так что инициативу ни в коем случае проявлять нельзя. Нужно доложить по инстанции и ждать конкретных распоряжений.

В небольшом кабинете молчаливо возвышались высокие стеллажи с папками, в которых хранились досье, дела, имперские указы и служебные инструкции. В самом центре на единственном свободном пятачке разместился большой стол. Окон в помещении не было, а у дверей всегда дежурил охранник, но, несмотря на это, на некоторые папки и на сам стол были наложены защитные проклятия. Далеко не каждый сотрудник мог безнаказанно взять эти документы.

Плюхнувшись на табурет, натертый до зеркального блеска задами его предшественников, Валенус вытащил из верхнего ящика амулет связи. Чтобы воспользоваться им, его необходимо согреть, поэтому старший инспектор крепко зажал предмет в ладонях,

вдобавок еще стал дышать на него в надежде ускорить процесс. Наконец амулет ожил. Валенус понял это, потому как зрение вдруг отказало: вид кабинета уступил место сплошной черноте. Инспектор не без труда подавил подступающую панику, хотя пользовался амулетом не в первый раз и знал, что именно так и должно быть.

Прошло совсем немного времени, и из тьмы возникло изображение человека в новенькой форме бойца «Недремлющего Ока». Сам Валенус одет был просто и неброско, он не мог позволить себе ежедневно щеголять в парадном мундире. О его принадлежности к этой влиятельной организации говорила лишь небольшая эмблема глаза с красным зрачком на груди.

Перво-наперво старший инспектор Олитона представился, как того требовала инструкция. Потом изложил суть проблемы. Изъяснялся он немного путано и успел пожалеть, что не догадался сперва составить письменный доклад, а уж потом выйти на связь. Тогда формулировать мысли было бы не в пример легче.

Собеседник, который до сих пор предпочитал внимательно слушать, лишь изредка задавая короткие вопросы, кивнул и велел ждать, растворившись во тьме. Говоря по правде, Валенус не любил пользоваться амулетом связи. Он полагал, что если слова и образы рождаются прямо у него в голове, то это не может не сказаться на рассудке. Сколько известно случаев, когда чародеи сходили с ума? Полно! Вот и здесь тоже чародейство. В дальних закоулках души жила мысль, что однажды чернота не отступит и его сознание останется здесь, в этой великой пустоте, навсегда. Приходилось прикладывать немалые усилия, чтобы доставать амулет каждый раз, когда возникала необходимость.

Инспектору показалось, что прошла уйма времени, прежде чем сквозь туман вновь начали проступать знакомые силуэты стеллажей. «Кажется, и на этот раз обошлось», – подумал он, вытирая испарину. Мучительно захотелось хлебнуть чего-нибудь крепкого, но, увы, ничего подходящего не было. На службе не положено. Поэтому пришлось ограничиться обычной водой.

Теперь можно заняться другими делами, а ненавистный амулет положить обратно в ящик. Когда в центре примут решение, они свяжутся сами. В начале доклада Валенус называл свое имя – теперь его найдут где угодно, чтобы передать приказ, и амулет для этого больше не нужен.

Досье. Входящий № 8234

Широтон. Координационный центр «Недремлющего Ока»

Отчет старшего инспектора подразделения «Недремлющего Ока» города Олитон о ситуации в городе

Приложение 1. Протокол о разбойном нападении на гражданина империи Кордос Толлеуса Алициуса Хабери Рей в окрестностях города Олитон.

Приложение 2. Протокол о пожаре на постоялом дворе «Звезда Оробоса» города Олитон.

Резолюция

Службе Изысканий

Провести всесторонний анализ ситуации; проверить целесообразность участия искусников на Турнире големов.

Службе Поиска Истины

Командировать в Олитон ближайшего чародея-дознателя для выяснения подробностей дела.

Службе Спокойствия

Установить за искусником № 1-409 наблюдение третьей степени в течение всего времени его пребывания на территории империи.

Олитон. Отделение «Недремлющего Ока»

Ответ пришел только вечером перед самым окончанием рабочего дня. На этот раз не было черноты – просто появилось некоторое давление в области затылка, как будто мозг раздулся и распирает череп изнутри. Неприятно, но вполне терпимо – Валенусу такой вариант связи нравился все же больше, чем амулетный. По крайней мере, нет мерзкой, пугающей тьмы. Да и не свалишься с лошади и не упадешь перед подчиненными, когда придет вызов, ведь далекий собеседник может застигнуть в любой момент.

Старший инспектор напрягся, сопротивляясь давлению в голове. Сначала он спрятал под стол письмо от старого приятеля, которое, пользуясь свободной минуткой, читал прямо на службе, затем пододвинул и открыл наугад папку с чьим-то делом, и только после этого перестал противиться деликатному вторжению. Он несколько не сомневался, что при желании столичный чародей сможет влезть ему в голову в любой момент, но связист проявлял вежливость, дожидаясь согласия. Едва Валенус мысленно дал добро, в голове появился чужой голос, который распорядился ничего не предпринимать против искусника, но по возможности наблюдать за ним. Также был отдан приказ обождать с захоронением трупов, пока не приедет чародей-криминалист, умеющий хорошо читать прошлое. Насчет первой части задания Валенус догадался сам – не те у олитонского отдела возможности, чтобы проявлять активность, когда идет закулисная борьба таких крупных игроков, как Оробос и Кордос. Однако предписание насчет умерших свидетельствовало о том, что эти люди действовали не по приказу «Недремлющего Ока». Значит, все гораздо сложнее, чем показалось на первый взгляд. Возможно, в игре участвует кто-то третий.

Вообще чародеи-видящие порой творили чудеса в деле сыска. Если такому в руки попадала любая мелочь, ранее принадлежащая преступнику, он по ней мог определить, кто этот человек, что он ел на обед год назад и где его теперь искать. Конечно, не всегда, но подобные случаи бывали. Так что если сюда едет чародей, он скорее всего узнает от умерших гораздо больше, чем целая бригада дознавателей, вооруженных амулетами правды, от единственного выжившего разбойника. Впрочем, наемники попросту могут ничего не знать. Кто клиент и какова сумма вознаграждения – вот все, что им обычно сообщают неизвестные заказчики.

Что ж, приказ получен, причем именно такой, который как нельзя лучше устраивал старшего инспектора Олитона. Отлично! Но вечером Валенус все же пропустит стаканчик, очень уж суматошный день выдался, нужно расслабиться.

Досье. Входящий № 8288

Широтон. Координационный центр «Недремлющего Ока»

Доклад службы Изысканий по материалам досье искусника № 1-409

Приложение 1. Заключение о целесообразности участия искусников в Турнире големов.

Приложение 2. Сценарии развития событий, политические последствия для империи.

Приложение 3. Нарушения в подготовке отчетной документации посольской службой города Беллус.

Приложение 4. Анализ способа доставки в Оробос искусного голема по недипломатическим каналам без охраны.

Приложение 5. Свидетельство службы познания Искусства о невозможности глубокого анализа голема в связи с разрушением последнего.

Приложение 6. Анализ возможных причин двойного инцидента в городе Олитон и его окрестностях.

Приложение 7. Выписки из архива отдела Вечной Памяти службы Слова о личности искусника № 1-409.

Резолюция

Службе Слова

Назначить делу грифы «государственный интерес», «высокий приоритет»; направить в министерство внешней политики материалы о выявленных административных нарушениях в подразделении посольской службы города Беллус.

Службе Спокойствия

Собрать информацию о личности искусника № 1-409 из кордосских источников; организовать за искусником № 1-409 наблюдение второй степени в течение всего периода пребывания на территории империи.

Службе Изысканий

Отслеживать появление новой информации.

Олитон

К вечеру следующего дня Толлеус лежал пластом в своей комнате, раздумывая, помереть прямо сейчас или все же дотянуть до утра. Добрая Сабана, полная сочувствия, регулярно присылала служанок – поменять компресс и на тот случай, если что-нибудь понадобится. В последнюю пару недель старик чувствовал себя на редкость хорошо, как будто скинул лет тридцать. Не было ни одного серьезного приступа. Он уже было решил, что неожиданно свалившаяся на голову походная жизнь запустила какие-то скрытые резервы организма. Или маркинский чародей, залезший ему в голову с целью выведать информацию, не обманул и действительно поправил здоровье. Но нет. Старость не проведешь. Можно бегать от нее, можно прятаться. Только в конце она все равно найдет тебя и не отпустит.

Еще с утра Толлеус чувствовал себя замечательно. «Если чародеи думают, что нового голема можно собрать только в Кордосе, то они крупно ошибаются. Искусство не где-то там, за границей, оно уже здесь, одинаково пригодное как для созидания, так и для защиты. Оробосцев, что вставляют мне палки в колеса, ждет неприятный сюрприз!» Рассуждая так, старик развил бурную деятельность: нашел кузнеца и плотника, сделал заказ на испорченные детали, успел восстановить поврежденные огнем амулеты. Через два дня голем обещал быть как новенький. Только манокристалл не вернуть – дорогущая вещь, которую за пределами Кордоса просто не достать.

По плану в Оробосе предполагалось пробыть примерно два месяца. За этот срок жилет высосет как раз пару кристаллов, если не будет перерасхода от приступов. Для голема тоже потребуется много маны, но тут все зависит от частоты его использования. Теперь кристаллов осталось всего два, если считать тот, что на посохе. Есть кое-какой запас в простых накопителях, которых Толлеус взял целый сундук, а также слой маны в организме, но это все в совокупности едва потянет на один кристалл. Как ни экономь, маны не хватит. Значит, надо будет уезжать раньше либо находить источники маны здесь. Манокристалл с посоха пока придется использовать в големе. Только теперь ни в коем случае нельзя жестко монтировать его – надо всегда снимать и носить с собой. А посох пока можно запитать от обычного накопителя.

Справившись со всеми делами, Толлеус расслабился, смирившись с необходимостью пробыть в Олитоне лишних несколько дней. Самочувствие было в порядке, но к вечеру давление подскочило до небес, разыгралась мигрень, а по ногам пошли красные пятна. Жилет периодически начинал вибрировать, выходя на полную мощность, но все-таки сдерживал хозяина от необратимого пике. В комнате пахло как после грозы, и волосы у посетителей сами собой поднимались дыбом.

Старик находился в дремотном состоянии между сном и явью: в голове крутились обрывки мыслей и странные видения. Голем следовал за фрагментной таблицей плетений, ее сменяла конструкция скорорезки, потом вспоминались улыбающаяся жена и почему-то далекие юношеские годы: шалаш у костра в лесу, в небе белый шар Мунары, а в руках самый первый, еще ученический, посох.

Без изменений прошла бессонная ночь. На следующий день Толлеус с выпученными глазами вскочил, бормоча себе под нос что-то про искусную ложку, чем немало напугал

молоденькую служанку. Сил у старика хватило только на то, чтобы добраться до своего сундука и раскидать амулетные заготовки, – он повалился без сознания прямо на них.

Вызванный сердобольной хозяйкой знахарь пристыженно развел руками – его возможности были скромнее искусного амулета. Вердикт вынесли однозначно неблагоприятный – старик не дотянет до завтрашнего утра. К вечеру Толлеус очнулся и ясным голосом попросил принести бумагу и чернила. Исписав два листа, он тяжело откинулся на подушки.

Сабана Имменсиус пришла забрать завещание, но это оказался всего лишь бред – непонятные закорючки и стрелочки, которые обычно рисуют дети, когда еще не умеют писать. Трактирщица скомкала лист и швырнула в угол – утром постояльца вынесут и приберут номер.

Закрывать глаза старику не потребовалось. Удивительно, но кордосский искусник был все еще жив и просто уснул. А утром наступило некоторое улучшение: Толлеус пришел в себя и заказал бульон. А после полудня даже смог сесть.

Вечером, держась за стенку, старик доковылял до общего зала и, найдя хозяйку взглядом, жестом подозвал ее к себе.

– Я вчера писал что-то или мне померещилось? – с волнением спросил он.

– Ты лишь портил бумагу, господин, а не писал, – без обиняков заявила Сабана. – Не о том сейчас думаешь. Чуть не преставился, а все о бумажках спрашивает... Возвращайся-ка обратно и отлеживайся!

– Это может быть важно. Где она? Мне надо на нее взглянуть, – напрягся Толлеус.

– Нет ничего важного в глупых каракулях, – отменяя все возможные возражения, припечатала трактирщица. – Бумажка давно в мусоре. Уже поди на растопку пошла...

Старик вцепился в ее руку мертвой хваткой.

– Мне очень нужно на нее взглянуть! – С этими словами он сунул хозяйке в ладонь серебряную монету.

– У тебя бред, господин. За такие деньги я сама исчиркаю тебе хоть сотню листов. – Сабана вернула монету. – Ладно, я посмотрю... – И она поспешила отойти от сумасшедшего.

Через пять минут одна из служанок притащила смятый листок. Толлеус с жадностью вцепился в него. Бледные губы растянулись в улыбке. Теперь искусник потребовал принести ложку.

Сабана с жалостью смотрела на старика, шевелящего губами в споре с самим собой и размахивающего посохом. Никаких сомнений, его рассудок помутился. Такое иногда бывает после тяжелой болезни. Тело поправилось, а разум умер. Как бы он бедо не наделал своим Искусством. С него станется...

А Толлеус уже закончил свои махинации и снова подозвал трактирщицу. Та приблизилась не без опаски. Старик выглядел плохо и даже жутко: лицо цвета выбеленной солнцем кости, иссиня-черные мешки под глазами, руки дрожат, рот щерится в беззубой улыбке.

– Наверяд ли мне удалось бы снова сочинить эти «каракули»? – торжественно начал Толлеус. – И все-таки однажды я это сделал! – гордо добавил он, потрясая листком. – Вот оно! – Старик протянув Сабане ложку.

Трактирщица с недоумением покрутила предмет в руках: ложка как ложка. Только к ручке прилеплен маленький мутный шарик. Не дожидаясь вопросов, искусник выдернул ложку у нее из рук:

– Смотри, женщина!

Толлеус с кряхтением выковырнул обычный камень из трещины в полу и водрузил его на ложку. Лишь только та приняла горизонтальное положение, как камень в ней на мгновение оказался заключен в маленькую, по размеру ложки, серую сферу, и раздался скрежет. Сабана не успела моргнуть, а сфера уже исчезла. Старик демонстративно перевернул ложку, и из нее на пол посыпалась даже не крошка – каменный порошок.

Раздался общий вздох: половина присутствующих в зале работников и посетителей столпилась позади хозяйки, заглядывая ей через плечо.

– А теперь смотри! – не унимался искусник. Он сунул собственный палец в ложку, и ничего не произошло. – Это потому, что предмет больше пузыря! – назидательно произнес он. – А когда меньше, вокруг формируется защитная оболочка. Это как корпус – снаружи не поранишься. Когда все готово, внутри активируется плетение ножа. Закрепить нож в центре и заставить его обработать всю внутреннюю поверхность очень сложно. Но я придумал замечательную штуку: несбалансированный нож просто лежит в пузыре. Он вообще не закреплен, но по размеру точь-в-точь как сфера, а значит, всегда в центре. Теперь я набрасываю свернутую нить, дергаю – и она раскручивает лезвие, заставляя его свободно гулять внутри сферы. А потом... – Только теперь Толлеус обратил внимание на непонимание в глазах зрителей. Он замолчал, и во всем большом помещении повисла тишина – даже стали слышны звуки улицы. Старик расстроено покачал головой: – Короче, надо только периодически менять накопитель. Все! – Он устало махнул рукой, отворачиваясь.

Досье. Входящий № 8305

Широтон. Координационный центр «Недремлющего Ока»

Доклад службы Изысканий о двойном инциденте с искусником № 1-409 в городе Олитон и его окрестностях

Приложение 1. Отчет чародея-дознателя о кордосском следе в заказе на устранение искусника № 1-409.

Приложение 2. Отчет чародея-дознателя о причастности кордосских спецслужб к организации пожара на постоялом дворе «Звезда Оробоса».

Приложение 3. Свидетельство чародея-дознателя о невозможности установления причин внезапного недуга искусника № 1-409.

Приложение 4. Теоретическое обоснование попытки устранения искусника № 1-409 кордосскими спецслужбами с применением чародейских методов.

Приложение 5. Свидетельство службы Познания Искусства о невозможности дистанционного изучения целительского искусного амулета.

Приложение 6. Свидетельство службы Изысканий о невозможности проведения корректного дистанционного освидетельствования состояния здоровья искусника № 1-409.

Резолюция

Службе Спокойствия

Обеспечить безопасность искусника № 1-409 на территории империи.

Глава 11

Толлеус. Подарок

Дорога на Широтон

На следующий день Толлеус был все еще очень слаб. Он хотел, как и советовала Сабана, отлежаться. Сказать по правде, выходка, которую выкинул изношенный организм, его сильно обеспокоила. Нет, конечно же приступы и недомогания случались и раньше, это было, если можно так сказать, нормой. Другое дело, что продолжались они не так долго и, как правило, за ночь всегда проходили, в худшем случае оставляя после себя слабость и разбитость. Такой долгий сбой в работе собственного тела не сулил ничего хорошего и вполне мог быть предвестником куда более серьезных проблем.

Увы, времени на то, чтобы хорошенько отдохнуть и привести себя в порядок, нет. Во-первых, мастера привезли заказанные части для нового голема, нужно утрясти с ними все дела. А во-вторых, и это самое главное, последний срок подтверждения участия в Турнире стремительно приближался. Тянуть с выездом было нельзя, поэтому старик отдал распоряжение трактирной прислуге грузить вещи и детали голема на телегу и, собрав силы, начал готовиться к отъезду. Логика простая: время поджимает, да и тут все равно нет места для сборки и тестирования.

Риск спровоцировать рецидив, причем в более сильной форме, был велик, и Толлеус прекрасно это осознавал. И все же он, проведя в споре с самим собой добрый час, решился рискнуть, запретив себе думать о возможных фатальных последствиях. Понятно, что дряхл, понятно, что осталось недолго, и именно поэтому нужно успеть: найти, увидеть, прикоснуться... и выцарапать у смерти еще добрый десяток лет. Когда на кону такие ставки, приходится рисковать. Тут, как говорится, все или ничего.

Упаковав свое небогатое имущество, старик перекачал часть маны из обычных накопителей в посиневший кристалл жилета и еще добавил из своей ауры, заполнив до краев. Естественная утечка из накопителей незначительна, просто так надежнее. А личный манослой со временем восстановится, дав пусть небольшой, но прирост.

Хозяйке «Звезды Оробоса» старик за сердечное отношение подарил искусную ложку, научив менять накопитель. Благо Кордос недалеко, всегда можно договориться с купцами, чтобы привезли замену.

Перед самым отъездом трактирщица привела невысокого упитанного парнишку лет четырнадцати. Внука звали Оболиус, но сама Сабана величала его исключительно Оболтусом и держалась с ним подчеркнуто пренебрежительно. Паренек стоял, потупившись, ковыряя носком землю, пока бабушка представляла его Толлеусу.

Искусник со скукой оглядел подростка: он мог бы быть любимым маменькиным сыночком, если бы не торчащие во все стороны рыжие волосы, щербина между передними зубами и косящие зеленые глаза. Все это с головой выдавало шельмеца и плута.

– Он глуп, ленив и прожорлив, – охарактеризовала парнишку любящая родственница. – Но если умело пользоваться розгами, то можно добиться неплохих результатов. Обучен многому и послушный. Главное, – повторила еще раз трактирщица, – сразу выбивать из него всю дурь, как только появится.

С этими словами старушенция отвесила отпрыску добрый тумак и удалилась, оставив Толлеуса в недоумении по поводу происходящего. Пожав плечами, он тронул поводья.

Лошади, недовольно всхрапнув, переступили ногами. Паренек, словно очнувшись, в одно мгновение забросил в телегу свой мешок и резво запрыгнул следом.

Искусник не успел слова молвить, а паренек уже развалился на лавке и, впервые открыв рот, немного прояснил ситуацию:

– Велено во всем вам помогать и набираться ума-разума, господин. – И тут же приступил к выполнению поручения, сунув соломинку в зубы и сладко потянувшись.

Буквально через пару шагов старик резко осадил лошадей. Помощник помощником, это даже хорошо, особенно в его теперешнем состоянии. Подать что-нибудь, сбегать по поручению. Но была какая-то неправильность, которую требовалось срочно устранить.

– Так не пойдет, – пробормотал Толлеус себе под нос. Потыкав Оболтуса своим посохом, он добавил уже громче: – Эй, ты место перепутал! – Искусник похлопал по скамейке возницы, а сам полез в телегу отдыхать на лавочке.

Ласково светило солнце, телега мерно покачивалась, голова немного кружилась от волнений и забот. Старик задремал.

Выспался он хорошо, иногда и деревянная лавка мягче перины. Но что-то было не так. Толлеус напрягся: телега стояла на месте, а солнце клонилось к закату. Если случилось нечто плохое, то почему Оболтус его не разбудил? И где он сам? Может, отлучился по нужде? Действительность оказалась гораздо ужаснее: дороги было не видеть, телега стояла у какого-то лесного озера, а малолетний возница, сверкая голым задом, весело плескался на середине водоема, ныряя в воду с борта деревянной купальни, предназначенной для создания нового голема.

Старик аж задохнулся от возмущения. Рука сама собой потянулась к посоху, чтобы приречь сорванцу чем-нибудь погорячее в обычно прикрытое портками место. Но пришлось срочно заняться собой, благо жилет никто не взял поиграть.

Когда кашель отступил, первый импульс праведного гнева уже прошел. Парень тем временем скорее почувствовал, чем увидел проснувшегося искусника, и деловито принялся грести доской-лавочкой к берегу.

То ли приступ, то ли еще что вспугнуло конструктор «Ока», который до этого исправно висел над стариком, лишь изредка спускаясь глотнуть у хозяина маны. А вот теперь он хаотично заметался вокруг с бешеной скоростью, так что при взгляде в камень начинала кружиться голова. Толлеус снял «Око»: с ним он разберется позднее. Пока же искусник, опираясь на посох, неподвижно ждал, когда «лодочник» причалит к берегу. Выражение лица старика не сулило ничего хорошего.

– Простите, господин, – тихо сказал Оболиус, потупившись. – Было так жарко... А вы спали, я не посмел вас разбудить...

От смиренного вида и искреннего раскаяния в голосе паренька Толлеус немного остыл. Хотя все равно оставалось непонятным, зачем и как подросток умудрился спустить на воду тяжеленную бадью, чтобы «немного освежиться». Впрочем, при беглом осмотре телеги все стало ясно: ноги голема послужили пандусом, по которому подросток догадался спихнуть вниз свое импровизированное плавсредство. А дальше требовалось лишь докатить круглую в основании купальню до берега и уронить в воду дном вниз. Наверняка раздавались грохот, сопение и громкие всплески, пока негодник проворачивал свои махинации. Почему искусник не проснулся – загадка. Не иначе он и в самом деле рано покинул постель, не восстановившись до конца после болезни.

Пожалуй, последняя мысль оказалась решающей в вопросе, отсылать нерадивого

помощника домой прямо сейчас или же дать ему еще один шанс. Все-таки одному в дороге тяжело, тем более в столь почтенном возрасте. Толлеус поежился, представив, как придется несколько дней сидеть, скрючившись, на жесткой лавке кучера на самом солнцепеке, направляя повозку. «Что там говорила его бабка? Розги? Выбивать дурь, лишь только появится? Пожалуй, на первый раз можно ограничиться этим».

Впрочем, мысль о наказании, тенью скользнув в сознании, отошла на второй план. Сейчас искусника волновала куда более важная задача – как своими силами затащить деревянную бадью обратно на телегу. Однажды старик вытащил из трясины и переставил целую повозку. Тут тоже можно попробовать нечто подобное, но требуется ювелирная точность. Толлеус не хотел разбить купальню или задавить лошадей. Не стоит рисковать без крайней необходимости.

С другой стороны, собрать голема можно без проблем прямо здесь. Места на берегу полно, все детали с собой. Придется разок заночевать у озера. Благо вода есть, костер соорудить не сложно. Нужно только организовать ужин. Олитон должен быть где-то совсем рядом: незадачливый возница уверял, что знает дорогу. Значит, придется вернуться на лошади в город и купить еду.

Толлеус с сомнением посмотрел на Оболтуса. Пошлешь такого, еще заедет куда-нибудь искупаться или за чем другим. Но не самому же ехать, оставив мальчишку стеречь голема? Нет, это совсем не вариант. Пусть уж в худшем случае Оболтус потеряется вместе с лошадьёю навсегда. Тогда искусник завтра поутру соберет голема, а телегу потянет вторая лошадь. Придется по пути раскошелиться и купить еще одну. Ну и еще поголодать разок. Не впервой.

– Выпрягай кобылу и скачи в город, привези что-нибудь съестное, – распорядился старик, высыпав сорванцу в ладонь горсть медных монет.

Тот послушно закивал, горя желанием услужить. Бывший настройщик проводил «помощника» долгим взглядом: парень весьма неплохо держался верхом, тем более что никакого седла не было и в помине.

– Похоже, трактирщица не обманула, пацан еще пригодится, – сварливо пробормотал старик себе под нос.

Еще не затих стук копыт вдаль, а Толлеус уже вытащил из сундука чародейского светлячка. Голема до темноты все равно не собрать, но и время до возможного ужина зря терять не хотелось. Раз уж выдалась свободная минутка, можно попробовать разобраться либо с «Оком», либо с губкой маны. Но если «Око» – скорее интересная игрушка, то мана – это великая ценность. Именно поэтому старик выбрал ее.

Итак, вот он, чародейский накопитель, выполненный в виде набалдашника жезла: как есть пористая губка, напитавшаяся маной. И ни входа, ни выхода – в первый раз искусник не ошибся. Вот и сейчас, повертев светлячка в руках, он не заметил в набалдашнике ничего – со всех сторон все одинаково.

– Может быть, секрет кроется внутри? – с задумчивым видом предположил старик.

Поднапрягшись, он запустил аурный щуп внутрь сочащегося маной предмета, лежащего на ладони. Нет, сплошная однородная субстанция, никаких вкраплений или спрятанных плетений. Чудеса да и только.

– Как же ты получаешь ману из губки? – требовательно спросил Толлеус у светлячка.

Тот не ответил, полный решимости до конца не выдавать чародейские секреты. Впрочем, старик и не ждал сотрудничества. Поднеся жезл к самым глазам, он попытался в истинном зрении разглядеть испускающую свет точку-конструкт, порхающую вокруг

набалдашника. Ничего. Глазами видна светящаяся точка, истинное зрение показывает крохотное аурное поле вокруг нее. Но ни существа, ни предмета, ни плетения в этой точке разглядеть не удастся.

– Что за напасть! – рассердился старик.

Однако кое-что удалось понять: аура конструкта соприкасалась с губкой, открывая канал, и через него конструкт высасывал ману из выпускаемых губкой протуберанцев. Недолго думая Толлеус сформировал простейшее плетение и сунул его маноканал в губку. Плетение стало наполняться маной, но медленно-медленно. Напора губка не давала никакого. А самотеком цедить ману можно было до утра.

Искусник поскреб шлем, прикрывающий лысину. Чародеи ведь как-то умудряются получать из своих губок должное количество маны.

– Получают сами? – задумался вслух Толлеус. – Это мысль. – Он снова запустил аурный щуп в губку и «всосал» поток маны. – Работает! – слегка улыбнулся искусник.

Значит, чародейские конструкты сами берут необходимое им количество маны. Но Толлеусу такой вариант не подходит. Действительно, можно выкачать ману из губки в свою ауру, а потом перелить ее в обычный накопитель. Только это хлопотно, да и накопителей не так много, как хотелось бы. Нужно научиться закачивать ману из губки в плетение напрямую, не используя собственное тело в качестве посредника. Привычный манонасос тут не подходит, старик уже попробовал. Нужно изобретать другой, специально для чародейских источников маны.

В этот момент послышался стук копыт. Невероятно, но Оболиус вернулся. Оказывается, времени прошло порядочно: на землю легли длинные тени, а в воздухе зазвенели комары.

– Как же мне выжать ману из губки? – на автомате продолжал рассуждать Толлеус сам с собой.

– Сжать покрепче! – услужливо подсказал парень, спрыгивая с коня. Он решил, что вопрос адресован ему.

Искусник сначала раздраженно нахмурился, но потом задумался: тут, конечно, не вода в мочалке, но ассоциация очень явная. Почему бы и не попробовать? Он живо сформировал вокруг губки кокон и сжал его. По воткнутому в самый центр чародейского накопителя искусному каналу хлынула мана, враз переключившись в накопитель. Правда, губка от такого воздействия получила повреждения, и во второй раз заполнить ее маной уже вряд ли получится. Но все-таки это был результат!

Толлеус довольно заулыбался и даже простил Оболтуса за то, что тот привез пожевать только пару дорогуших праздничных пряников вместо нормального ужина.

– Они же вкуснее, – оправдывался подросток. – А мало – так ведь вы, господин, денег мало дали!

Дорога на Олитон

Выскочив на дорогу, Оболиус наконец перевел дух. Он все еще был жив и вроде даже здоров, что не могло не радовать. Страшный кордосский искусник остался у озера: вроде бы еще недалеко, не более полулиги, но глазами уже не видно, и от этого на сердце как-то спокойнее. Сказать по правде, с самого утра, лишь только бабка Сабана в своей обычной суровой манере отловила его на улице, играющего с детворой, мягкое место кольнуло тревожное предчувствие: не к добру. И пожалуйста, новая работа. Причем на этот раз не нужно тягать тяжеленные мешки или подавать инструмент в исходящей жаром кузнице. Как будто ничего сложного – прислуживать важному господину, но это только на первый взгляд, если не знать, кто он.

Представить плохого хозяина легко. Например, высокомерный аристократ, который босоногую детвору за людей не считает и запросто запретит кнутом из-за плохого настроения. Или же жадный купец, который ради крохотной экономии заморит голодом. Пожалуй, хуже этого навскидку придумать непросто, но бабуля расстаралась: теперь хозяином будет кордосский искусник. Он словно вынырнул из детских сказок – старый, страшный, непонятный, раньше таких постояльцев никогда не было. Оболиус вспомнил, как Сабана огорошила его этим известием, как он стоял, внутренне сжавшись, когда она вручала судьбу своего единственного внука этому старику. Причем бабушка почти ничего не сказала: ни почему так, ни зачем, ни как быть и что делать. О чем она думала? Она же не злая...

И все же наказ был прямой и простой, послушаться ее парень не смел. Нет, конечно же в каких-то вещах можно было допустить своеволие: заиграться на улице и не прийти к положенному часу домой или стянуть пирог с кухни. Но не в таком серьезном деле, как сейчас.

Настоящего живого искусника мало кто видел, но сказок и слухов хватало. Была война, страшная война. Ветераны, что изредка попадались в числе постояльцев, очень не любили рассказывать про Кордос. Спросишь, а они сразу же мрачнеют и заказывают кружку вина – за павших товарищей. Впрочем, у некоторых после обильных возлияний язык развязывался, и тогда они рассказывали про смерть: огненную, железную, каменную, невидимую... Как будто даже целые полки крепких здоровых воинов гибли в бою с одним-единственным искусником... Только чародейство могло осадить и погнать прочь этих злобных нелюдей с жезлами в хищно скрюченных пальцах. Слухи тоже не отставали, представляя северных соседей и вовсе кровожадными монстрами, питающимися человечинной.

Оболиус, разумеется, понимал, что это выдумки. Вряд ли бабуля отдала бы свою кровинушку этому человеку (человеку ли) на съедение. Нет-нет, это, безусловно, враки. Это взрослые придумали так малышей пугать, чтобы слушались. Не жрут кордосцы детей по ночам, иначе бы уже давно люди там вымерли. Ан нет, купцы кордосские едут по тракту каждый день и детей своих везут целых и невредимых. Торговцы наверняка многое могут порассказать, только молчат, будто рыбы, не хотят водиться с оробосским мальчишкой.

И все же неприятный осадок от всех этих сказок был. Раз придумали такое, значит, не просто так. Это как с серым волком – им малышей тоже пугают, дескать, придет, утащит, если вовремя не лечь спать. Конечно, зверь не приходит – волки в лесу живут. Вроде

как бояться нечего, но забреди-ка ночью в лес – и поминай как звали. Вот и с искусниками, наверное, то же самое...

Оболиус поежился, вспомнив, как все-таки было не по себе править повозкой и знать, что прямо за спиной сидит ОН. Причем поворачиваться отчего-то тоже было страшно: ну как посмотришь, а там... Впрочем, пацан не представлял себе ясной картины, кем обернется Толлеус, если на него посмотреть. Чудовище с горящими глазами и с зубами наружу? Посиневший мертвец с провалившимися глазницами? Даже смешно, но все же... Когда парень все-таки набрался смелости бросить взгляд через плечо, вид спящего старика отнюдь не успокоил его: если кордосец спит днем, то ночью...

Оболиус поехал с искусником, представляя себя отважным героем. Этот тип – враг, даже если он на самом деле обычный старик, тут и гадать нечего. Кордосцы – враги всех людей, это точно. И он, Оболиус, не боится взглянуть в лицо опасности. Ни одна живая душа не догадается, как ему страшно оказаться подле искусника. «Всем и каждому покажу, что мне это – тьфу!» – думал парень. И даже больше: напакостить в меру сил и способностей – это он тоже не побоится сделать. Именно поэтому он свернул к лесному озеру, когда кордосец уснул. Сгружая вещи с телеги, Оболиус чувствовал себя верным сыном империи, совершающим героический поступок.

А вот теперь, оценив масштабы своего озорства, парень сильно поскучнел. Любой хозяин за такое может выпороть так, что потом неделю сидеть нельзя будет, а тут искусник... Как-то Оболиус не подумал об этом сразу, одержимый идеей борьбы со злом. И вот теперь тень наказания нависла над рыжим озорником, точно черная грозовая туча. Больше всего пугало то, что старик пока ничего с ним не сделал, но ведь понятно, что он этого так не оставит. Что он задумал? Уж не потому ли наказание отложено, что кордосец ждет ночи? Возвращаться как-то не хотелось.

Как бы то ни было, Оболиус без задержек доскакал до родного дома – в любом случае ему туда. Здесь, в знакомой обстановке, вдали от искусника, настроение уверенно пошло в гору. Все испортила бабуля. Увидев внука, она всплеснула руками и грозно надвинулась на него:

– Откуда ты тут взялся? Помер дед, что ли?

– Живехонек, – затараторил пацан, отступая и прячась за столом. – Привал устроил.

– Так ты что, сбежал?! – разбушевалась Сабана, пытаясь ухватить парня.

– Говорю же – недалече уехали и встали. Меня старик в город по делу прислал. –

Пожалуй, в этот момент Оболиус понял, что домой ему вернуться будет не так-то просто.

– Говорила я ему – лежать надо. Рано еще путешествовать, – смягчилась старуха, бормоча себе под нос. – Ладно. Сам-то сходи на кухню, каши поешь, только шустро, чтобы господин не заждался, – добавила она громче.

– Что за дело-то? – ворчливо спросила трактирщица, пока внук орудовал ложкой.

– За провизией послал, – с набитым ртом ответил Оболиус и вытащил из кармана деньги. – Сейчас на рынок побегу.

– Сиди уж, – буркнула Сабана, пересчитывая монеты и ссыпая себе в кошель. – В погребе соберу что-нибудь.

Когда Оболиус уже облизывал ложку, трактирщица вернулась и принесла корзинку со снедью. Парень не стал заглядывать под крышку, но по весу догадался, что хозяйка не поскупилась и наложила явно больше, чем можно было купить на выданные Толлеусом деньги.

– Бабуля, – тихо позвал Оболиус. – «Искусники поганые страшнее зверя лютого!» – сам не зная почему, повторил он расхожую фразу из сказок.

Сабана уперла руки в бока и сварливо поинтересовалась:

– Сам такое придумал али подсказал кто?

– Так ведь известное дело!.. Ой!.. За что? – с недоумением вскрикнул внук, потирая голову, поскольку трактирщица ни с того ни с сего отвесила ему подзатыльник.

– Думать ею тебя учу, чтобы ты не был такой бестолковый! – пояснила Сабана. – «Погааные», – передразнила она вдруг Оболиуса. – Чужестранцы они, и всего делов. Старик чуток со странностями будет, да. Только кто ж без них? Все такие... Хватит штаны просиживать! Марш к господину! И не бойся, он тебя не съест.

Последнее она сказала зря, но нужное ускорение рыжий недоросль получил: пора было отправляться в путь.

Прежде чем возвращаться к лесному озеру, Оболиус завернул в квартал через улицу, остановившись возле лавки с красивым бубликом, свисающим на цепи. Надолго он здесь не задержится, зато успеет навестить Сабрину. Она, конечно, на год старше и первая красавица в округе, так что рыжего внука трактирщицы каждый раз встречала вздернутым носиком, но он предпочитал не замечать этого и, точно мотылек на свечу, тянулся к ней. Вот и сейчас, когда появилась неплохая возможность удивить ее рассказом про искусника, парень решил не упускать шанс.

Увы, он выбрал неудачное время. Сабрины видно не было, зато тут был Боб в окружении своих дружков. Они тоже искали общества дочки лавочника, и когда собирались вместе, с удовольствием гоняли Оболиуса. Обычно дело ограничивалось тем, что мальчишки потешались над его упитанной фигурой, рыжей шевелюрой и маленьким росточком. Но иногда на них что-то находило, они ловили его и лупили. Просто так, ни за что. Похоже, сегодня был как раз такой день.

Новоиспеченный помощник искусника, одной рукой прижимая к себе корзину с провиантом, ударил пятками в бока лошади, намереваясь проскочить в соседний переулок до того, как ему загородят дорогу. И пареньку это удалось, но дальше удача отвернулась. Притормозив чуть-чуть и повернувшись, чтобы показать преследователям язык, Оболиус ощутил сильный толчок и выронил свою ношу – кто-то из мальчишек кинул ему вслед камень. Хорошо еще булыжник попал не в голову, а в плетеный бок корзины.

Но теперь нечем было кормить искусника. Не стоит и пытаться собрать рассыпавшиеся по грязной мостовой продукты – нужно уносить ноги, тем более что рядом, рассерженно жужжа, пролетел еще один камень. Третий снаряд, впившись в круп лошади, прервал все рассуждения – животное, заржав от боли, рвануло галопом. Оболиус едва не свалился, откинувшись на спину и отчаянно замахав руками. Кое-как утвердившись на пятой точке, парень прижался к теплой шее кобылы, обвив ее руками. Мимо в пугающей близости замелькали деревья, столбы, заборы. Остановиться, когда лошадь в таком состоянии, целая проблема: тут хотя бы удержаться и не свалиться.

Кобыла утихомирилась лишь у самой городской стены, вращая влажными глазами и тяжело дыша. До трактира путь неблизкий – через весь город. Времени на это уже не осталось, если хочется успеть к озеру до заката. Да и смысла нет возвращаться домой, вряд ли удастся выпросить новую порцию. Бабка даже разговаривать не станет – сразу выпорот.

Понурившись, парень начал прикидывать, где еще можно раздобыть какой-нибудь

провиант. По всему получалось, что негде. На душе было так гадко, что даже думать не хотелось о ночных пиршествах сказочных искусников. Старик ведь голодный – с утра ничего не ел. Единственное, что можно предложить кордосцу, – расписные пряники, которые лежали в мешке в телеге у озера. Сабана дала это праздничное лакомство на дорожку, провожая в столицу своего непутевого внука. Спасибо ей за это.

Дорога на Широтон

Погода испортилась. Все последние дни ярко светило солнце, но сегодня поднялся пронизывающий ветер и небо заволочили тяжелые грозовые тучи. Очень не хотелось собирать голема под проливным дождем, но все шло именно к этому. Впрочем, выбора у Толлеуса не было.

Правда, дело двигалось значительно быстрее, чем в прошлый раз. Может быть, искусник уже поднатерел в сборке, а может, сказывалась помощь Оболиуса. Раньше каждую лапу на свое место приходилось подтягивать с помощью искусных нитей, тщательно рассчитывая каждое действие. Теперь же достаточно было скомандовать пареньку, и он, кряхтя от напряжения, волок нужную деталь куда покажешь. Прошел какой-то час, а облик голема уже был вполне узнаваем. Только сейчас, лежа на земле с растопыренными лапами, он больше напоминал паука, раздавленного гигантским башмаком.

К обеду все было готово. Толлеус выполнял окончательную сборку в гордом одиночестве, снова отправив помощника за едой и в этот раз строго определив перечень продуктов.

Гроза, погромыхав над головой, прошла стороной, и небо начало светлеть. Вернулся Оболиус и замер на спине лошади, глаза, как шестиног вытанцовывает круги вокруг искусника. Старик не спешил забираться внутрь бадьи: разъезжать здесь негде, да и не нужно. Окончательную настройку можно провести, сидя в сторонке. К тому же, пока работа лап не отлажена, забираться внутрь чревато, голем ведь и перевернуться может. Толлеусу повезло, что этого не случилось, когда он в Беллусе поехал на ночь глядя тестировать прошлую модель Паука.

Надо сказать, голем претерпел серьезные изменения. Памятуя о пожаре, старик сделал лапы не из толстых деревянных балок, а из железных прутьев в два пальца толщиной. Дороже, конечно, зато надежнее. Также изменилось тело. Раньше купальня выполняла главную несущую роль, а тонкие деревянные жерди сверху годились лишь для того, чтобы натянуть на них тент и чтобы легче было держаться на ухабах. Теперь каркас выполнен из тех же железных прутьев.

Шесть шпук, изгибаясь дугой, выходили из-под днища купальни и, подобно растопыренным пальцам, обхватив ее, куполом сходились над головой. Еще один прут опоясывал бадью по верхнему краю примерно по центру получившегося ажурного шара. Были и менее заметные изменения: манокристалл Толлеус сделал съемным, все амулеты разместил в небольшом сундучке и защитил его от воришек и прочих напастей. Теперь огонь Пауку не страшен. В худшем случае сгорит деревянная купальня, но на ходовые качества голема это никак не повлияет.

Старик нежно погладил свое творение, бросив самодовольный взгляд на выпучившего глаза помощника. Но юнец, вместо того чтобы бухнуться на колени или как-то еще проявить свое восхищение, ткнул пальцем в голема и дерзко заявил:

– По хорошей дороге с такими ступнями ходить будет неудобно.

Толлеус фыркнул:

– Ну и молодежь пошла!

Потом задумался. Он и сам знал, что парнишка прав. Ступни у Паука – большие

железные блины со сменной деревянной прокладкой снизу. Они незаменимы на рыхлой или болотистой почве. А на твердой поверхности только мешают. Но не делать же их съемными!

– Ну и что ты предлагаешь, молодой человек? – уперев руку в бок, учительским тоном спросил он.

– Дык это... Пусть на цыпочках ходит! – легко нашелся помощник. И, пользуясь замешательством старика, начал преспокойно выкладывать на дерюгу привезенные сыр, хлеб и колбасу.

Чтобы научить голема ходить на цыпочках, требуется другая конструкция ступней (опять расходы!), а также время на доводку походки. Однако Толлеус твердо решил этим заняться при первой возможности. Такое усовершенствование обещало экономию маны на хорошей дороге при увеличении скорости за счет удлинения лап. Да и в городе в случае чего проще будет передвигаться: не наступишь широченной паучьей ступней на что-нибудь хрупкое. Это все потом. А сейчас пора в путь.

Голем, управляемый посохом искусника, послушно взобрался на телегу, пока Оболиус держал нервно вздрагивающих лошадей под уздцы. Проехав по заросшему кустарником полю не больше полулиги, повозка вырулила на дорогу и затряслась в сторону оробосской столицы.

Нужно было спешить. Широтон, неведомый, но такой манящий, ждал там, впереди, где края дороги сходятся в точку. Купцы, чинно восседающие на тюках с поклажей, доедут за восемь дней. Маршрут выверен в обе стороны: постоянные дворы и городки выстроились вереницей как раз на расстоянии дневного караванного перехода друг от друга. А всадник без поклажи покроет за день двойное расстояние и опять-таки устроится на ночлег с комфортом в придорожной гостинице. Очень удобно. Но не тогда, когда приходится нарушать устоявшийся уклад. Толлеус хоть и выехал из Беллуса с максимальным запасом, но задержался в пути. И теперь надо прибыть на место не за семь, а за пять дней. Это возможно, но остановки придется делать прямо посреди тракта. И совершенно не остается резерва времени на вероятные неожиданности. Старик удалился от Кордоса всего на два с половиной дня пути, при этом задержался на втрое больший срок. Пугающая тенденция. Все же искусник верил в удачу и был полон решимости преуспеть в своем начинании.

На груженной повозке, запряженной далеко не лучшими скакунами, сильно не разгонишься. Зато можно ехать дольше, до самой темноты, а провиант закупать по дороге.

Скрипя колесами, телега уверенно катила вперед, оставляя за собой в пыли прямые линии следов с отпечатками подков посередине. Понукать лошадей не было смысла: они не выдержат быстрого темпа. Покупать других Толлеус не планировал – хорошие скакуны дорого стоят. И все же старику, сидящему сзади, казалось, что едут они слишком медленно. Проводив печальным взглядом ворону, которая в несколько энергичных взмахов крыльями обогнала путников, он грустно вздохнул. Чародей из видений умел летать. Он был быстр и свободен, как ветер. А старик навсегда прикован к земле, как гад ползучий.

– А ты почему при бабке? – хрипло бросил Толлеус в спину юному вознице и потянулся за флягой, чтобы промочить горло. Сделав несколько шумных глотков, он продолжил расспросы молчаливой спины: – Родители-то где? Живы?

Оболиус, насупившись, повернулся:

– Мамка пьет. А кто папка, неведомо... Так что, почитай, сирота. – Парень отвернулся

с явным намерением прекратить беседу.

Толлеус развел руками, мол, дело житейское, бывает. Все же он твердо решил побольше узнать о своем спутнике, которого подкинула ему судьба в образе сварливой трактирщицы.

– Сабана тебя не очень-то жалуется. Отчего не сбежал?

Парень поерзал на лавке и неохотно ответил:

– Отчего не жалуется? Жалуется... Воспитать хочет по-своему. А сбежать-то куда? Милостыню просить?

Толлеус пожевал губами, видя резон в таких словах. Наконец он нашелся с ответом:

– Ты же вроде как к делу приученный, пошел бы в подмастерья. Что вообще делать-то умеешь?

Оболиус немного расслабился, когда вопросы ушли от неприятной темы.

– Да всякое. В поле с взрослыми могу, за скотиной ходить, в кузне помогал, на рынке стоял...

– Ты, наверное, с такими способностями можешь и кашеварить, и чародействовать? – пряча улыбку, спросил искусник.

Однако рыжий пройдоха и бровью не повел, а серьезно ответил:

– Не, готовкой бабка занимается. Да и не мужское это дело. А в ученики к чародеям – это много денег надо. Один предлагал. Сказал, у меня есть способности.

Искусник с новым интересом уставился на помощника. Какие способности рассмотрел неведомый чародей, непонятно. Но только аура совершенно не развита, слой маны тонюсенький. Увидев недоверчивое лицо старика, Оболиус с детским задором принялся защищаться:

– Правда! Я конструкты вижу! Честное слово!

Толлеус в раздумье склонил голову набок. Если парень и правда без всякого обучения и специальной подготовки умеет пользоваться истинным зрением, то это дорогого стоит. Обычно ведь как? Эмиссары из Академии набирают группу потенциальных учеников из тех, у кого аура посильнее да маны побольше. И пытаются научить видеть ауру и плетения. Проходит больше года занятий, прежде чем появляется результат и становится ясно, может ребенок стать искусником или нет. Причем в Кордосе это государственное дело: специальные люди регулярно посещают все города в поисках перспективных ребяташек, за обучение денег не берут, даже кормят потенциальных учеников бесплатно. В Оробосе же все пущено на самотек.

– Какая глупость, – пробурчал старик в ответ на свои мысли.

Оболиус, расслышав слова старика, вмиг раскраснелся и сжал кулаки:

– У вас, например, уши огромные приделаны!

Кордосец улыбнулся: то, что парень принял за приделанные уши, на деле было особым плетением в виде двух больших воронок, которое улучшало слух. Толлеус давно уже его купил и с удовольствием использовал, успев немного усовершенствовать. Теперь, накачивая больше маны, стало возможно менять размер этих «ушей», влияя на их чувствительность. На самом деле не такая простая задача, как может показаться: наверчено в этом плетении много, причем непонятного, даже водяное плетение зачем-то использовалось.

Оболиус тем временем продолжал болтать, тыкая пальцем в шестинога:

– Смотрите! Вот отсюда сюда идет линия, и еще вот тут одна, и вот тут! – Пацан стал водить пальцем по силовым нитям, приводящим в движение ноги Паука. Приободренный кивками искусника, помощник разулыбался и неожиданно сам подступился с расспросами: –

Господин, а почему у вас голем такой чудной?

– Какой такой «чудной»? – не понял старик.

– Ну такой... – замялся недоросль. – Лапы во все стороны и на человека ничуть не похож!

– А что, ты и в големах разбираешься? – засомневался Толлеус. – Много ты их видел-то вообще? Разве они все как люди?

Оболиус надулся, но все же ответил, глядя в землю:

– Может, и не видел. Но только все говорят, что големы на людей похожи.

– Да кто говорит-то?

– Да все!

Искусник усмехнулся. Несмотря на то что чародейство в Орбосе цветет пышным цветом, местные жители в большинстве своем, так же как и он, ветеран войны, с чародейскими истуканами в жизни не сталкивались. Он-то хотя бы в своих видениях посмотрел на големов. Но в самом деле все они были о двух руках, о двух ногах, с головой...

– Форма такая, чтобы устойчивей было. К тому же когда лап много, быстрее получается, да и в грязи не застрянет, – наконец ответил старик на давно заданный вопрос.

Оболиус с новым интересом оглядел искусную конструкцию.

– А брюхо зачем такое большое? – ткнул он пальцем в бадью.

– Чтобы я туда влез и мне не тесно было... Куда прешь, левее бери! – рявкнул Толлеус, попутно стукнув посохом парня по спине. Оболтус отвлекся от управления и едва не зарулил в придорожную канаву.

Когда повозка выровнялась, неугомонный пацан, потирая лопатку, поинтересовался:

– А вы что же, ездить на големе собираетесь? – В его голосе явно сквозило недоверие.

– Я и делал его, чтобы ездить. Иначе зачем он? Смотреть на него, что ли?

Юный помощник не удержался и снова бросил короткий взгляд за спину, а потом нерешительно попросил:

– Господин, а можно на вашем Пауке покататься? – и невинно захлопал длинными ресницами.

Толлеус нахмурился:

– Как же ты им управлять собрался? Без посоха не получится! – наставительно подняв палец, произнес искусник. – На телеге катайся, все то же самое. И еще: никогда не трогай мой посох!

Видя, что Оболтус равнодушно кивнул, пропустив его слова мимо ушей, старик повторил еще раз грозным голосом, чеканя слова:

– Никогда! Не трогай! Мой посох! – Подумав, он добавил: – Иначе хвост поросячий вырастет!

– Правда? – Глаза мальчишки зажглись настоящим восхищением.

В этот момент телега, забравшись на небольшую горку, свернула с олитонской дороги на Торговый тракт, уже опустевший к этому часу.

Досье. Входящий № 8476

Широтон. Координационный центр «Недремлющего Ока»

Доклад службы Познания Искусства о конструкции искусного голема

Приложение 1. Выписки из журнала наблюдения за искусником № 1-409 о внешнем

облике искусного голема.

Приложение 2. Расчет материально-технического, механического потенциала искусного голема.

Приложение 3. Протокол экспертного заседания.

Приложение 4. Сравнительный анализ искусного голема с известными образцами искусных движущихся конструкций кордосского и архейского производства.

Резолюция

Службе Познания Искусства

Продолжить изучение искусного голема по мере накопления данных.

Службе Изысканий

Дать заключение перспективам искусника № 1-409 на Турнире големов в номинации «Полоса препятствий».

Беллус, кордосская часть

– Посмотри-посмотри! – кипятился старичок, подпрыгивая в своем кресле. – Нет, ты только взгляни!

Корнелия послушно посмотрела на пухлый конверт, любезно пододвинутый ей заместителем председателя Палаты защиты империи. Потом подняла ясный взгляд на наставника.

– Депеша из Маркина! – огласила она очевидный факт.

– Ты еще раз посмотри, уделяя особое внимание мелочам! Это же бред, абсурд!

Девушка нахмурилась, отчего ее гладкий лоб прорезала очаровательная морщинка, и углубилась в изучение хитрых искусных печатей.

– «Срочно»... «особо секретно»... «чрезвычайная комиссия»... – стали слетать слова с ее пухлых губ в такт кивкам головы Рагароса. – Все в порядке. Можно, конечно, отдать на экспертизу, но мне кажется, не подделка, – вынесла вердикт молодая искусница.

Защитник империи устало подпер голову ладонью.

– Девочка моя, ты меня расстраиваешь. Посмотри дату отправки, – устало предложил он.

– Двадцать дней назад! – Глаза девушки округлились. Обычное самообладание изменило ей на этот раз: – Как же так?

– Просто и глупо. Неужели не догадываешься?

Помощница отрицательно покачала головой. Рагарос уставился в пустоту и заговорил:

– В Маркине работает столичная комиссия. А у них все дела «особо секретные». Статус обязывает. Это означает, что депеша пишется на специальном бланке, обклеивается вот этими замечательными печатями... – Старик задумался на мгновение, постукивая пальцем по конверту, потом продолжил: – И с уполномоченным под охраной отправляется на регистрацию в столичную канцелярию. Потом депеша едет до адресата, где на много-много лет находит свой покой на полках архива. Это все формальности. К этому моменту конверт уже никому не нужен. Потому что в момент отправки текст дублируют по искусной связи, быстро и удобно.

– Я знаю эту технологию. – Корнелия обиженно надула губки. – Но это не объясняет, почему мы не получили сообщение еще тогда, двадцать дней назад!

– Объясняет, – со вздохом возразил старичок. – Тут же ясно написано: «Особо секретно». В Маркине нет канала связи с защитой такого уровня. Вот представь: ты маркинский искусник при канцелярии. Тебе приносят вот такую бумажку. Что ты будешь делать? Самолично понизишь уровень документа и передашь по простой секретной линии или побежишь беспокоить столичных академиков?

– Нет конечно! – Девушка фыркнула. – Я буду действовать строго по инструкции!

– Инструкция – это правильно. – Защитник империи глубокомысленно поднял палец. – Так что написано в этой инструкции? – словно спохватившись, спросил он.

– Подготовить вторую депешу и отправить с нарочным в ближайший город, где есть искусная связь для сверхсекретных переговоров.

– Так. А ближайший такой город где? – Рагарос приподнял седую бровь.

– Беллус... – выдохнула помощница и сама же продолжила: – У нашего канцелярского искусника всего один канал связи, поэтому он не может отправить сообщение самому себе. А раз не может, то не будет зафиксирован факт отправки и получения. Поэтому искусник даже не распаковывает конверт. Он отправляет его в другой крупный город...

– Нет! – прервал ход ее мыслей Рагарос. – Делать ему больше нечего – новые бумаги строчить! Или он вообще думает, что произошла элементарная ошибка, что более вероятно. Поэтому он отправляет конверт обратно в Маркин с припиской о невозможности выполнения операции. А там комендатура в небо улетела, и половина служащих погибла, а другая мобилизована на поимку оробосских диверсантов. Поэтому бумаги, поступающие не из столицы, обрабатываются, как бы это помягче сказать, с задержкой... Сообщение мы получим, не сомневайся. Как и положено, по совершенно секретной искусной связи, причем без задержек, потому что «срочно». Когда это будет, понятия не имею. Вот только наша депеша, пропутешествовав на лошадях через Беллус в Терсус и обратно, прибыла раньше! Ни в столице, ни в Маркине ни сном ни духом, что мы еще не отработали эту бумагу... Вот ведь как оно бывает! Хорошо еще конверт сразу в архив не утащили – без моей визы не положено. – Закончив длинную тираду, старичок жадно отпил из стакана.

– Что же теперь будет? – потерянным голосом спросила помощница, из соблазнительной красотки враз превратившись в маленькую девочку.

– Да ничего. Не настолько важна бумажка, как написано на конверте. Все головы останутся на своих местах, а зады – на своих постах. Меня больше волнует, нет ли других таких потеряшек, что совсем не исключено. Я уже направил запрос.

– А что же все-таки пишут в этой бумаге?

– Вот это правильно. Мало ли что я сказал «ничего важного». Бумага пришла – надо быть в курсе, – похвалил Рагарос ученицу. – Депеша про нашего хорошего знакомого, маркинского искусника Толлеуса Алициуса. Просят арестовать. Подозрения у них, видите ли...

– Что-то интересное про соседей? – деловым тоном осведомилась помощница, ткнув пальцем в сторону границы.

– Нет, руки Оробоса нет. Внутреннее дело Кордоса. Подозрение в финансовом преступлении. Хищение в особо крупных размерах.

– И все же я не понимаю: почему никто не выяснил, не поинтересовался, поймали ли мы старика? – Корнелия никак не могла поверить в сбой государственной машины. – Он им что, не нужен?

– Казнокрадство столичных воротил не интересует. Тем более что они сейчас ловят рыбку гораздо крупнее. Толлеус им нужен как свидетель по другому вопросу, но он слишком мелкая сошка, чтобы не спать из-за него по ночам. Но вообще бумага занятая. Я могу рассказать вкратце, если интересно.

Дождавшись утвердительного кивка, Рагарос продолжил:

– Согласно выводам комиссии, в маркинской тюрьме был заключен целый Повелитель Чар. А по бумагам он числился как простой чаровник. И маны с него качали еле-еле. В штате тюрьмы всего два искусника – настройщик и целитель. Охранников можно не считать – у них нет доступа к документам и внутренним системам. Так вот, настройщик – как раз и есть наш знакомый. Но он к тому моменту уже скрылся из города. Взялись за целителя. Парень молодой, только-только из Академии, ни о чем не знает. Нашли прежнего целителя, прижали хорошенько. Он хоть и старый, но провалами в памяти не страдает. И выяснилось, что он

и в самом деле сознательно совершил подлог. Чародей был найден без сознания и в себя так и не пришел. Однако при себе имел кучу дорожных артефактов. Ради них-то целитель и записал неизвестного как совсем слабого чародея, чтобы вопросов не возникло и никто не стал искать. А вещишки присвоил и распродал.

– Но маны-то с пленника должно было поступать много, – возразила Корнелия.

– Совершенно верно, – подтвердил Рагарос. – Но это вопрос уже к настройщику, которого мы чуть ли не с почестями проводили в Оробос.

– Теперь, когда к его прошлым прегрешениям добавляется еще и это, он обязательно должен быть пойман! – От праведного возмущения щеки девушки порозовели, отчего она стала еще симпатичнее.

– Хорошо бы, но как? Насколько я помню, мы дважды пытались достать его, а в результате сели в лужу.

– Но сейчас, когда настройщик в имперском розыске, мы...

– Стоп-стоп-стоп! Во-первых, мы даже не знаем точно, где он. Да, он, не скрываясь и не торопясь, ехал в сторону оробосской столицы, словно большая вкусная приманка, которая кричит: «Съешьте меня!» Только чародеи из «Недремлющего Ока» вокруг него роились, словно мухи вокруг коровьей лепешки. Во-вторых, мы понятия не имеем, где он есть. В Широтоне мы не у себя дома; мой наблюдатель, что шел по аурному следу, его потерял. В-третьих, после нашего олитонского доклада председатель не давал нам нового распоряжения «поймать или уничтожить, несмотря ни на что». Так что сидим спокойно: все наши отчеты отправлены в Терсус. Пусть столица сама решает, что, как и когда лучше предпринять. Скорее всего, там уже давно работают над этим вопросом, просто нас не поставили в известность.

Корнелия попыталась что-то сказать, но Рагарос взмахом руки показал, что не закончил, и продолжил:

– Но ради успокоения совести я постараюсь прояснить этот вопрос.

Дорога на Широтон

Толлеус полностью поручил помощнику дорожные заботы. Парень и в самом деле неплохо справлялся с лошадьми, причем гораздо быстрее самого старика. За маршрут искусник не волновался – Торговый тракт ни с чем не перепутаешь, так что заблудиться не получится при всем желании. Главное, не задремать под мерный стук копыт. Нужно было приглядывать за возницей, чтобы ему в голову опять не пришла какая-нибудь шальная мысль.

Медленно тянулись часы, любоваться окрестностями было скучно. Дорогу окружал обычный пейзаж, точно такой же, как в Кордосе или в любой другой стране. Леса, поля, проселочные дороги, разбегающиеся в стороны. Изредка тракт пересекал реку или в стороне бурными холмиками проплывали крыши деревеньки. Наконец-то у Толлеуса появилась свободная минутка, чтобы в относительной тишине и покое заняться делами не первой необходимости. Увы, речь шла не о любимом развлечении, которое он забросил после памятных событий в Маркине. Долгие годы безмятежной службы, сидя дома в любимом кресле, искусник коротал время, пытаясь воссоздать из фрагментов купленные плетения для своего посоха.

Забот хватало. Во что бы то ни стало нужно разобраться с чародейскими маногубками. Бывший настройщик надеялся, что в оробосской столице он найдет эти источники в большом количестве. Также Толлеус не оставлял работу над Пауком, продолжая отлаживать систему управления лапами, доводя свое мастерство управления нитями до совершенства. А по вечерам, когда путешественники останавливались на ночлег и прекращалась дорожная тряска, искусник час перед сном посвящал систематизации фрагментов плетений. В одном из видений Толлеус подсмотрел нечто, позволяющее искуснику, не напрягаясь, изобретать любое плетение по заданным свойствам. Он совершенно не понял, как это функционировало, но с тех пор мысль, что можно облегчить свою работу, не давала ему покоя. Бывший настройщик ломал голову, прикидывая и так и эдак. Основной проблемой были колоссальные объемы нужной информации, в которой люди попросту тонули. Какие фрагменты лучше взять, как их лучше всего состыковать между собой, хватит ли на это собственных способностей или требуется помощь мастера? Вот краеугольные вопросы для всех искусников, самостоятельно формирующих плетения. По привычке старик долгое время ограничивал себя рамками бумажных книг, пособий и справочников. Но однажды его посетила идея создания такого труда – Великой Искусной книги, как он ее окрестил про себя, прямо в посохе. Появились определенные трудности, но все решалось – принципиальных ограничений не было. Перспективность своей идеи Толлеус проверил еще в Беллусе и вот теперь занялся ее реализацией вплотную. Работа предстояла титаническая, но с учетом коллекции фрагментов плетений вполне посильная.

Ну и, конечно, голем: как раз сейчас искусник тренировался в его управлении. Усевшись на лавке верхом, старик бдительно следил за работой ног железного чудовища, которое с лязгом топало параллельно дороге по полям, кустам и небольшим оврагам. Попадись Паук на глаза оробосским крестьянам, они бы мигом взяли за топоры и вилы, чтобы отомстить за изрытую землю и вытопанную пшеницу. Где-то глубоко ворочалась вина за содеянное, но мысль о новых ступнях прочно угнездилась в сознании Толлеуса, вытесняя все остальное.

Подобные испытания помогали хотя бы получить представление о будущих изменениях. Лошадям Паук тоже не нравился: они, прядая ушами, с испугом косили влажными глазами в сторону голема, храпели и норовили пуститься наутек. Лишь крепкие руки Оболиуса удерживали их на тракте. Парнишка тоже постоянно косился на Паука, задумчиво пожевывая губу. Сразу было видно, что шестиног ему небезразличен.

– Господин, можно мне прокатиться на големе? Ну пожалуйста! – снова завел свою песню Оболтус.

– А лошадьми кто править будет? – не оборачиваясь, резонно возразил искусник.

Возница открыл было рот, чтобы что-нибудь сказать, но передумал. Убедившись, что кордосец не видит, парень высунул язык и, выразив этим свое недовольство, сосредоточился на дороге.

Паук расходовал драгоценную ману, отчего лицо Толлеуса каждый раз во время испытаний принимало скорбное выражение. Но поделаться с этим ничего было нельзя. Искусник в первый день путешествия попробовал проводить кое-какие эксперименты прямо в телеге, опасно раскачав ее и чуть не перевернув, при этом едва не доведя бедных лошадей до инфаркта. С тех пор спешащие по торговым делам купцы получили возможность поглазеть на экзотическое чудовище, мирно гуляющее по самой известной дороге империи.

Работать с Пауком получалось все лучше и лучше. Старик был доволен. Но пора и передохнуть: повинувшись невидимой команде, голем выполз на тракт и потрусил позади повозки. Оболиус придержал лошадей, и лишь только они встали, железный Паук в один момент лихо заполз внутрь. Животные, испуганно заржав, дернулись, но возница, готовый к рывку, удержал их. Можно было ехать дальше.

– Теперь самое время заняться чем-нибудь поспокойней, – пробормотал Толлеус.

Оболиус даже ухом не повел, он почти привык к манере старика проговаривать мысли вслух.

Искусник выудил из сундука забавный чародейский артефакт, который прикупил вчера в безымянном городке, куда путники завернули за провиантом. Прямо на рынке Толлеусу попался чародей с лотком: тот зазывал покупателей, как простая торговка пирожками. Игрушка для молодых – два сердечка, настроенные друг на друга. Предполагалось, что влюбленные будут всегда носить их с собой. И лишь только обладатель одного подумает о своей паре, как тотчас второе сердечко начнет пульсировать и мелодично звенеть. Для старика это было как подарок свыше. Конечно же не чтобы продемонстрировать кому-либо свои чувства, а чтобы поэкспериментировать с маногубками, которых тут оказалось сразу две – по одной на каждом сердечке. Увы, в Олитоне Толлеус не догадался купить сразу два артефакта, а губку чародейского светлячка он испортил еще у озера, где собирал Паука.

Помимо так нужных искуснику источников маны сердечки сами по себе представляли большой интерес. Так, например, Толлеус слышал про плетение управления мыслью, но это очень сложное плетение государственного значения, которое в лавке не купишь. А тут пожалуйста – какая-то дешевая альтернатива в детской игрушке. К тому же совершенно неясно, как же два удаленных предмета передают друг другу сигнал. Вернее, понятно как – с помощью конструкторов. Но откуда конструктор знает, как найти свою половину? Или у него просто большой радиус обзора и артефакт работает только в пределах этого радиуса? С этим неплохо бы разобраться на досуге. А пока искусник сосредоточился на губке, поднеся ее к самым глазам и рассматривая в истинном зрении. Все то же самое, что и на светлячке: пористая структура без входа-выхода, струящиеся внутри, закрученные потоки маны.

Надо бы испытать... Понятно, что сердечко должно соприкоснуться с аурой. Сжав один артефакт в кулаке, старик положил второй рядом с собой на лавку и стал думать о нем. Ничего не произошло. Тогда он вспомнил молодые годы, жену, ее задорную улыбку. Даже удалось воскресить то ощущение тепла, которое Толлеус испытывал рядом со своей любимой. Сердечко на лавке лежало неподвижно.

– Тьфу ты!.. – громко выругался старик. И тут же пояснил повернувшемуся парню: – Я все понял – не так делаю. Тут же связка «моя аура – первый конструкт, вторая аура – второй конструкт». – Увидев недоумение на лице Оболиуса, Толлеус махнул рукой: – Смотри.

Он сгреб второй рукой сердечко с лавки и, прикрыв глаза, подумал о себе. Оба сердечка запульсировали в унисон, издавая при этом мелодичный звон.

– Э нет, так не пойдет! – Искусник даже замотал головой. – Так мана из обеих губок расходует. Вот как надо. – Наклонившись вперед, он сунул одно сердечко в руки ничего не понимающему помощнику.

Теперь искусник подумал о пройдохе-оболтусе. На этот раз артефакт подростка зазвенел на пару тонов ниже. Оболиус от неожиданности чуть не выронил ценную вещь под колеса. Толлеус скривился, и сейчас же звон амулета сменился совсем низким звуком, больше похожим на жужжание.

– Занятно получается, – задумался старик. – А ну-ка подумай обо мне.

О чем подумал юный оболтус, неизвестно, но только звон артефакта искусника был весьма далек от мелодичного, да к тому же еще и прерывистый. Вот и понимай как знаешь...

Впрочем, от тестирования игрушки пора переходить к изучению губки. После некоторых размышлений у старика появилась одна идея насчет извлечения маны. Возможно, даже не понадобится ничего изобретать. Ведь если эта штука – конструкт – почти живое существо, то отчего бы не попробовать такую же технику, как с живыми людьми? В конце концов, Толлеус проработал в тюрьме сорок лет, настраивая плетения насосов лежаков. Ни у кого в посохе нет такого плетения – их заносят в древние амулеты в Академии. Если кто-нибудь скопирует такое себе в посох, накажут серьезно и без разговоров. Но Толлеусу уже лет тридцать назад удалось вычленить и перенести из амулетного плетения основу и сделать упрощенный действующий аналог своими силами. А самодельные плетения, которые без метки Академии, никогда не проверяют. Согласно общепризнанному мнению, самостоятельные разработки искусников – курам на смех. Во многих посохах даже нет такой возможности – запоминать собственные плетения. Да и как проверишь-то незнакомую вязь – без метки?

Конечно, есть любители вроде Толлеуса, которые увлекаются творчеством и на досуге стыкуют фрагменты. В Терсусе среди них проводятся ежегодные конкурсы. Говорят даже, будто иногда получается что-то такое, что копируют в хранилище Академии. Но тут Толлеус не был уверен – далековато столица, ни разу не ездил.

А вообще здравая мысль: попробовать применить такое плетение на чародейском предмете. Пусть он не живой, но аура-то есть. Значит, теоретически можно подключиться.

– Куда подключиться? – вырвал старика из раздумий голос Оболиуса. Оказывается, искусник опять спорил сам с собой.

– Куда, куда... В ауру, – сердито отозвался Толлеус.

Сформировав плетение, он немного повозился с настройкой. Лишь только плетение активировалось, мана исправно пошла в искусный накопитель. Счастливо зажмурившись, старик широко улыбнулся.

Довольный, он наконец расслабился. Откинувшись на лавке и вытянув ноги, умиротворенно вздохнул. Что ни говори, а хорошо жить на свете. Даже в старости можно чему-то радоваться. Зевнув, Толлеус достал из кошелька камень «Ока». Старик очень устал. Сегодня он работал с раннего утра. Шевелиться было очень лень, да и мысли в голове текли вяло и плавно. Впрочем, отдохнуть можно будет потом, в Кордосе. Сейчас надо бы еще поработать. Например, постичь тайну летающего глаза. Толлеус заглянул в камень: конструктор больше не метался туда-сюда, но и не висел на положенном месте. Сейчас он неторопливо нарезал широкие круги вокруг искусника, как и прежде, не подвластный воле хозяина. Толлеус осторожно покашлял, но нет, конструктор не обратил на это совершенно никакого внимания. Значит, в прошлый раз что-то другое его взбудоражило.

– Иди сюда, малыш, – пробормотал искусник, намереваясь поэкспериментировать с плетениями вызова.

На удивление, конструктор послушался и, нырнув прямо старику в ауру, стал в ней плескаться, как дитя в корыте.

– А теперь вверх! – обрадованно скомандовал Толлеус, но конструктор в этот раз его полностью проигнорировал.

То же самое и с другими командами. Очевидно, «Око» по своей воле подлетело к хозяину, и просто так совпало, что он хотел того же. Пожав плечами, старик начал по очереди пробовать свои плетения. Но капризный конструктор наотрез оказывался идти на контакт.

Тут Толлеусу пришла в голову другая мысль. Он попытался прикоснуться к псевдосуществу искусной нитью. Но и это не возымело ровным счетом никакого действия. Старик рассердился. Конструктор, видимо насосавшись маны, шустро выпорхнул из ауры и кинулся наутек, остановившись шагах в пятидесяти от своего хозяина.

В сердцах плюнув, Толлеус отстал от «Ока». Настроение было безнадежно испорчено.

Досье. Входящий № 8499

Широтон. Координационный центр «Недремлющего Ока»

Доклад службы Изысканий о перспективах искусника № 1-409 на Турнире големов в номинации «Полоса препятствий»

Приложение 1. Выписки из журнала наблюдения за искусником № 1-409 о демонстрируемых возможностях голема.

Приложение 2. Экспертное заключение службы Познания Искусства о теоретических характеристиках искусного голема.

Приложение 3. Выписки из журнала наблюдения за искусником № 1-409 о демонстрируемом им уровне мастерства в управлении големом.

Приложение 4. Заключение службы Изысканий о физиологической неподготовленности искусника № 1-409 к участию в номинации «Полоса препятствий».

Приложение 5. Заключение отдела Судеб службы Поиска Истины о малой вероятности выхода искусника в финал Турнира големов.

Резолюция

Службе Спокойствия

Задействовать дополнительные резервы для сбора информации об искуснике № 1-409.

Службе Поиска Истины

Составить контрольный прогноз результатов искусника № 1-409 на Турнире големов не позднее двух суток до его начала.

Дорога на Широтон

Проснулся Толлеус с ощущением какой-то неправильности. Солнце высоко? Действительно неправильно. Если сейчас день, то надо ехать, а телега стоит. И вообще не надо спать днем: в последний раз, когда такое случилось, пришлось выживать бадью из лесного озера. В душу закралось нехорошее предчувствие.

– Оболиус, – дрогнувшим голосом позвал старик.

Ответа не было. Рука потянулась к посоху, но его тоже не оказалось на месте. И Паука.

– Да как же так? – растерянно прошептал Толлеус.

И тут он вспомнил: стоянка была вынужденная – колесо перетерло ось, и парень занялся ремонтом. Искусник не вмешивался, только выгрузил голема из повозки. А потом, кажется, задремал, не сняв манокристалл. Теперь телега в порядке, но...

«Он сбежал!» – хихикнуло альтер эго.

Старик не слушал – унялась бы щемящая боль в груди. На големе есть метка на случай, если потеряется. Но чтобы засечь ее излучение, нужно развернуть плетение, а посоха нет. У искусного инструмента нет метки, все равно нечем искать, зато есть защита: только хозяин может его брать... Однако она не спасла от рыжего воришки. Дрожащей рукой искусник пристроил к глазу красный камень. Пусть «Оком» нельзя управлять, но оно испуганной птицей мечется туда-сюда и может многое показать. Поля, дорога, опять поля, небольшая рощица, повозка на обочине – это же сам Толлеус, снова поля... В поле зрения мелькнул Паук и маленький ублюдок внутри.

– Недалеко, – выдохнул бывший настройщик. – Только в какой стороне? Если свернет с дороги, на лошадях не догонишь, – цинично констатировал он. – Да и что ты можешь без посоха?

– Что я могу?.. – растерянно пробормотал искусник. Пальцы вцепились в последний манокристалл, питающий жилет. – Могу! Мне бы только догнать!

В этот момент Толлеус обратил внимание на тихий перезвон. Никаких животных, на шее которых мог бы звенеть колокольчик, поблизости не было. Интерес возобладал над жаждой немедленной расправы, и старик поискал источник звука. Это ожило чародейское сердечко. Второе осталось у Оболиуса, и это означало, что тот сейчас думает о старом искуснике.

– А вдруг можно определить направление по конструкту? – хищно прищурился Толлеус.

Искать Паука не понадобилось. В стороне послышался тревожный перезвон, вторя чародейскому сердечку искусника, и из кустов вылез хромающий Оболтус.

Искусник молчал, в его глазах бушевало пламя. Помощник, представ пред очами наставника, понурил повинную голову и замер в ожидании наказания.

– Посох давай! – рявкнул старик, требовательно вытянув руку, и в тон ему звякнул любовный амулет.

От неожиданности пацан аж подпрыгнул и, икнув, куда-то ткнул пальцем. Проследив направление взглядом, искусник увидел свое сокровище, которое валялось недалеко в траве, словно простая палка. С неожиданной прытью старик сиганул с повозки и схватил посох. Зажмурив глаза, медленно и нежно погладил потертую рукоять.

– Он больно жжется, – тихонько пожаловался парнишка, вырвав Толлеуса

из задумчивости. – Поэтому я его оставил, где уронил. А поросычий хвост не вырос, зря вы, господин, обманываете.

Амулетная какофония и вибрации потихоньку стали стихать. «Хорошо еще малолетний придурок просто взял его и не попробовал активировать. В лучшем случае остался бы без рук», – мелькнула у старика мысль.

– А ты, стало быть, хвост захотел получить? – прошипел Толлеус и сам не узнал свой голос.

– Да нет. Очень уж хотелось покататься на Пауке, – не поднимая глаз, ответил Оболиус. – Вот я и рассудил, что хвост – не так уж и страшно. Все равно в штанах не видно...

– Где Паук? – уже нормальным тоном спросил старик, лишь его ноздри раздувались и опадали, выдавая клокочущие внутри эмоции.

– Тут недалеко... – Рыжий пройдоха снова икнул. – Он и без посоха ездит, надо только за нити дергать, – наконец пробормотал он себе под ноги.

– ГДЕ ПАУК??? – Амулет-сердечко Оболиуса снова затряслось с удвоенной силой.

Пацан, прикусив язык, зайцем кинулся показывать. Голем и в самом деле нашелся не далее чем в сотне шагов. Несостоявшийся чародей, по сути, смог только запустить его.

– Он не поворачивал! – оправдывался сорванец, тыча пальцем в бьющегося кверху лапами, словно в припадке, шестинога. – Я же знаю, за какую нить тянуть, чтобы поворачивать. Я много раз видел. А он не послушался. И не выключается теперь...

Старик присмотрелся в истинном зрении: половина нитей варварски вырвана, а другая – перепутана. Вроде бы ничего страшного, но времени на восстановление уйдет порядочно.

Толлеус нацелил узловатый палец на взъерошенного помощника:

– Хвост будет! Это я тебе обещаю!

Досье. Входящий № 8511

Широтон. Координационный центр «Недремлющего Ока»

Отчет службы Спокойствия о попытке похищения искусного голема

Приложение 1. Выписки из журнала наблюдения за искусником № 1-409.

Приложение 2. Экспертное заключение отдела Парирования службы Спокойствия об отсутствии связи с инцидентами в Олитоне.

Приложение 3. Досье на гражданина империи Оробос Оболиуса Имменсиуса (рег. № 0-11605).

Приложение 4. Заключение службы Изысканий о личных мотивах слуги искусника № 0-11605 к совершению поступка.

Приложение 5. Заключение службы Изысканий о вероятном повторении подобных инцидентов.

Приложение 6. Общий прогноз службы Изысканий о возможности привлечения слуги искусника № 0-11605 к деятельности на благо империи.

Резолюция

Службе Изысканий

Не устраивайте панику, искусник сам разберется. И не перекладывайте свою работу на ребенка!

Составить отчет о теоретической возможности езды на искусном големе.

Дорога на Широтон

Это было глупо-глупо-глупо! Нельзя злить искусника! Что с того, что в прошлый раз все обошлось: старик даже не наказал за вынужденную остановку у озера, хотя уже тогда имел полное право это сделать. Лучше бы уж выпорол. Тогда внутри не свербело бы от желания озорничать еще. А то, понимаешь, погеройствоваться захотелось!

Оболиус искренне боялся старика. Без повода, вопреки здравому смыслу. Особенно сильно страх одолевал, когда начинало смеркаться. В первую ночь внук трактирщицы вообще не сомкнул глаз, но дольше организм не позволил издеваться над собой. Однако ничего страшного не случилось ни в первую ночь, ни во вторую. Кордосец вел себя смирно и выглядел безобидно. Если не знать, кто он, то и вовсе ничего интересного – обычный старик. У таких можно безнаказанно воровать яблоки и груши из сада, можно дразнить их.

Оболиус был верен своему плану. Да и покататься на големе хотелось. Потому что это уж как здорово: ты сидишь, а тебя везут без лошади! И все же не стоило этого делать. Искусник ведь предупреждал...

Когда старик велел притормозить у первой попавшейся деревеньки, рыжий возница не заподозрил ничего плохого. Тревожно кольнуло чуть позже. Господин тяжело слез с повозки и направился напрямик к грязной луже, в которой дремала жирная коричневая свинья, а вокруг нее резвились розовые поросята. Возможно, в этот момент, побегу Оболиус со всех ног, еще можно было спастись, но он не сообразил вовремя: так и сидел как дурак, во все глаза пялясь на искусника и гадая, что тот собирается устроить. Только когда кордосец тоненько, по-стариковски захихикал и предложил полюбоваться обновкой, внук трактирщицы понял, что случилось.

Старик явно схитрил. Не обманул, но все-таки поступил не совсем честно, и вот теперь... Оболиус низко наклонился и заглянул под лавку, на которой сидел, чтобы еще раз со вздохом полюбоваться на поросычий хвост. Тот торчал прямо из доски и на самом деле хвостом не являлся. Потрогать его было нельзя. Чистая иллюзия. Зато такая вредная, что штанами ее не скрыть. Признаться, парень не поверил в обещания господина. Думал, тот для красного словца ввернул. Так малышей пугают. В худшем случае наказание виделось в виде розог, но тренированный зад сорванца уже давно не боялся их. А вот поди ж ты... Теперь над Оболиусом все будут смеяться. Ему и так-то доставалось за рыжую шевелюру и упитанную фигуру, а теперь и вовсе проходу не дадут. А девчонки, наоборот, станут обходить десятой дорогой.

Вот уж господина ему подобрала бабуля... Подросток тайком покосился на Толлеуса, мирно склонившегося над книгой. С кордосцем, конечно, оказалось на удивление интересно. Вот только странный он и непонятный: то бормочет себе под нос, то часами сидит не двигаясь, и не поймешь, дышит или нет. А хвост этот чего стоит! Но хватит, хватит долго думать об искуснике, иначе проснется сердечко – другой пример вывиха мозга кордосца. Вот скажите на милость, кому еще придет в голову ТАК использовать амулет для молодоженов?

Что ни говори, приключение захватывающее. Мало кто из ребят бывал в Широтоне. Оказаться в столице – уже немало! А Оболиус еще на Турнир големов попадет – вот уж удача

выпала, словами не описать. И хозяин у него – с ума сойти! – кордосский искусник. Самому, понятно, страшно. Зато какие небылицы потом можно рассказывать, и все будут слушать, открыв рты!.. «А теперь еще и показывать», – с внезапно нахлынувшей горечью подумал парень, вспомнив про хвост. Вот лучше бы старик ему руку волшебным огнем сжег. Или ногу. Больно, но оно бы того стоило. Увечьем тоже можно хвастаться. А пороссячий крючок... Он сводил на нет все плюсы. Теперь единственная надежда – заслужить прощение господина и упросить отменить наказание. Если же не получится, то лучше вообще не возвращаться домой – засмеют. А как посмотрит Сабрина? Дочка лавочника и так-то не очень жаловала Оболиуса, снисходительно называя Рыжиком, а теперь кем он для нее станет? Хрюнделем? Только пяточка не хватает! Мужчины не плачут, но на щеке подростка заблестела одинокая слезинка.

Часть вторая
Сердце империи

Глава 1

Толлеус. Широтон

Сегодня путники должны были достигнуть своей цели. Изменения начались с самого утра. Приближаясь к каждому городу, Толлеус ощущал нарастание призрачного шума, что свидетельствовало о большом скоплении людей впереди. Вот и сейчас. Только на этот раз призраков было очень много: обычный шепот слился в раздражающий гул. А ведь крепостная стена еще даже не показалась на горизонте. Были и другие изменения, видимые обычным глазом. Деревеньки стали попадаться одна за одной, пока постепенно границы между ними не исчезли совсем. Потом сплошной стеной, подпирая боками друг друга, выстроились купеческие амбары. Искусник бросил свои изыскания, с интересом осматриваясь по сторонам. Все-таки любопытно взглянуть на город, называемый то столицей мира, то Великой Жемчужиной. Когда-то Широтон был захудалым, хоть и весьма древним городишком в месте слияния двух рек. Но с тех пор как возникла империя Оробос, выбравшая его своим сердцем, все разительно переменялось. Город, замкнувший на себя все торговые артерии государства, полностью перестроили. Торговля процветала, деньги текли рекой, и оробосцы не жалели их. Один книжник даже сказал по этому поводу: «Утопали в роскоши», и это выражение как нельзя лучше отражало действительность.

Толлеус временами отвлекался от созерцания окрестностей, бросая лукавые взгляды на Оболиуса. Хвост смотрелся как родной, каждый раз радуя старика. Наказать парня следовало. В войну у Толлеуса в посохе было плетение иллюзорного копирования, с его помощью искусник создавал на основе небольших отрядов целые полки призрачных воинов, чтобы вводить в заблуждение оробосских шпионов. Увы, но потом это плетение пришлось сдать. Позднее старик купил общедоступный простенький аналог, который годами не находил применения в жизни. Прошло время, и вот наконец до поры дремавшее в посохе плетение пригодилось. Правда, иллюзия потребляла ману. Так что поддерживать ее долго старик не собирался. К вечеру исчезнет. Остается надеяться, что Оболтус сделает правильные выводы.

Впереди широкий тракт перегородили какие-то люди. Толлеус послушно остановил повозку позади длинной очереди из купеческих фургонов. Когда караван рассосался, искусник с удивлением обнаружил нечто вроде таможни перед въездом в город. Приезжие торговцы здесь платили пошлину, чтобы получить право попасть внутрь. А подозрительных личностей дюжие молодцы в начищенных кирасах и вовсе не пропускали. Чиновник с орлиным носом, придирчиво осмотрев Паука Толлеуса, тоже попытался потребовать деньги, но опять спасло приглашение на Турнир. Старика пропустили бесплатно. Он удивился было, почему досмотр проводят прямо на дороге, а не у ворот крепостной стены, как во всех других городах. Ответ нашелся быстро: как таковой крепостной стены вокруг Широтона не было. Только неглубокий ров, охраняемый арбалетчиками, защищал оробосскую столицу. И то эта защита была не на случай войны, а от контрабандистов.

На таможне Толлеусу выдали гостевую метку, сделанную с применением чародейства. Конечно же это был конструкт с привязкой к ауре, неподвижно висящий над головой. Удобно – издалека видно. Правда, только в истинном зрении.

– Хоть что-то, – буркнул старик, удовлетворенно кивнув своим мыслям.

Признаться, государственная организация Оробоса в части поддержки чародейством,

по мнению искусника, была хуже всякой критики. Помощнику сделали другую метку – временную. Старику надлежало каждые три дня продлевать ее, иначе она считалась недействительной. Как ему объяснили, это сделано для того, чтобы уволенные или сбежавшие слуги не оставались жить в столице, посторонних тут не жаловали.

Сразу за рвом город разительно менялся. Тут расположились аккуратные домики зажиточных ремесленников. И без того широкая дорога расползлась еще больше, превратившись в целую площадь, подобно стреле уходящую вдаль. Толлеус выпучил глаза, а Оболиус присвистнул – при желании на такой дороге могли разехаться шесть, а то и семь конных экипажей. И все это вымощено не обычными булыжниками, а отесанными, хорошо подогнанными друг к другу красноватыми камнями.

Перпендикулярно в стороны отходили ровные улочки, но уже нормальной ширины. Очевидно, такая дорога всего одна и предназначена для того, чтобы вселить благоговение и трепет в приезжих. Впереди показалась арка, ярко блестящая в лучах полуденного солнца. Подъехав поближе, Толлеус обнаружил еще один ров, опоясывающий город. А арка оказалась бронзовым мостом. Причем было видно, что мост регулярно чистят, – позеленевшими от времени оставались лишь колонны, и то у самой воды. Тут тоже стоял караул, и у старика с помощью какого-то артефакта в первый раз проверили метку.

Территория до рва называлась Бронзовым кольцом. Внутри жили люди явно лучшего достатка, чем простые ремесленники. Дома сплошь каменные, ухоженные, вокруг каждого лужайка или палисадник. Толлеус снова одобрительно кивнул – кое-какие двери были защищены чародейством. Вот теперь он чувствовал, что находится не где-то, а в столице. Сказать по правде, в голове уже тревожно скреблись мысли, что в Широtone чародеев придется поискать. Как будто они специально попрятались в неприметных лавочках самых глухих улочек.

Куда нужно ехать, искусник знал лишь примерно. Впрочем, заблудиться не получится – Красная дорога приведет.

Город выглядел огромным. Повозка катила по шлифованному камню уже не первый час. Чем ближе к центру, тем богаче и выше становились дома, набирая в высоту до трех этажей. Наконец впереди показалась настоящая крепостная стена. Защитная башня расползлась на всю ширину дороги, дробя ее на пять отдельных входов. С точки зрения фортификации, решение неудачное, но зато вид у башни величественный. Тем более что снаружи она сплошь покрыта серебряными пластинами, за что по праву носила название Серебряной, а район в ее пределах назывался Серебряным кольцом.

Многочисленные охранники в богато украшенных латах выполняли не только декоративную функцию – они стерегли облицовку башни. Оболиус, задрав голову и разинув рот, с благоговением смотрел на эту грудю сокровищ, а Толлеус, шевеля губами, прикидывал количество манокристаллов, на которые удалось бы обменять такое богатство. Когда повозка с Пауком подъехала к воротам, вперед выдвинулся хмурый детина, покачивая инкрустированной секирой.

– Куда прешь? – невежливо поинтересовался он.

Искусник понимал, что его скромное одеяние мало напоминает пышный наряд, простая телега – совсем не элегантная карета, а щербатый рыжий пройдоха – отнюдь не импозантный кучер в пышной ливрее. Этим и объясняется поведение стражника. Со вздохом достав из-за пазухи приглашение, Толлеус ткнул пальцем в метку над головой:

– Есть разрешение. Так в чем дело?

Появился еще один стражник с большим красным плюмажем на шлеме. Наверное, начальник караула. Взглянув на бумагу, он повернулся к искуснику:

– Почтенному гостю из Кордоса разрешено пересекать Серебряное кольцо. Но на главной арене Широтона проводятся только финальные выступления во всех номинациях. Господин искусник перепутал. Ему нужны ристалища для отборочных туров, – заговорил он необычайно высоким голосом, почему-то обращаясь к старику в третьем лице.

Выяснилась неприятная деталь. Отборочный турнир хоть и считался столичным, но проводился на специальном полигоне за городом – в деревеньке со смешным названием Палатка. Там регулярно устраивались разного рода соревнования, были построены летние домики для участников, имелась трибуна для зрителей, оборудовались специальные арены.

Толлеус замер в нерешительности.

– Что же делать? – тихонько спросил он себя, развернув повозку, но не решаясь отправиться на поиски какой-то деревни.

Первый охранник на въезде в город отправил его сюда, второй теперь отправляет совсем в другое место. Кому верить? Времени на ошибку не оставалось. Солнце покинуло зенит, до Палатки добираться часа четыре. Сегодня последний день для подтверждения регистрации. Если ехать, то прямо сейчас, причем быстро-быстро.

Тут взгляд искусника зацепился за чародея, важно шествующего куда-то по своим чародейским делам.

– Этот должен знать точно! – рявкнул старик на испуганно сжавшегося Оболиуса, грубо спихнув его с телеги посохом. – Беги за ним и узнай про отборочный турнир!

Видя замешательство парня, Толлеус враз придал ему должное ускорение, пообещав:

– Сделаешь как надо, хвост уберу!

Любо-дорого было смотреть, как засверкали пятки и хвост. Через мгновение рыжий проныра скрылся в толпе, а уже спустя пять минут, сияющий, появился вновь. Старик весь извелся в ожидании за этот короткий срок.

Оболиус подтвердил слова стражника насчет Палатки, и лошади рванули в обратный путь галопом. Дистанция небольшая, а на счету каждый час, так что Толлеус не видел смысла беречь животных.

Досье. Входящий № 8539

Широтон. Координационный центр «Недремлющего Ока»

Отчет службы Изысканий о теоретической возможности езды на искусном големе

Приложение 1. Выписки из журнала наблюдения за искусником № 1-409.

Приложение 2. Свидетельство службы Познания Искусства о практике создания археями искусных конструкций для передвижения.

Приложение 3. Заключение службы Изысканий о высокой опасности для жизни и здоровья пассажира голема.

Приложение 4. Свидетельство службы Спокойствия о неиспользовании искусником № 1-409 искусного голема в качестве транспортного средства за учетный период.

Резолюция

Службе Изысканий

Составить прогноз выступления искусника № 1-409 на Турнире големов.

Глава 2

Толлеус. Палатка

Солнце едва коснулось вершин деревьев, а Толлеус на взмыленных лошадях уже добрался до Турнирной деревни. Нужно было договориться по поводу жилья, узнать график, да и просто осмотреться. Но все это потом, первым делом следует подтвердить участие. Старик вертел головой во все стороны, пытаясь определить, где это сделать.

Как выяснилось при беглом осмотре, деревня таковой на самом деле не являлась. Тут не жили крестьяне. Скорее это был большой постоянный двор из отдельных маленьких домиков, где размещались прибывшие на Турнир участники. В межсезонье деревня пустовала. Старик не знал, есть ли у нее какое-нибудь официальное название. Оробосцы почему-то называли ее Палаткой, и сейчас старик понял почему. Наряду с аккуратными деревянными домиками вокруг дороги выстроилось множество обычных полотняных шатров. Может быть, участников собиралось больше, чем предполагалось, но вернее всего некоторые гости предпочитали дешевую альтернативу постоянному жилью.

На центральной площади толпились разные люди. Судя по ауре, лишь немногие были чародеями-участниками. Кто остальные и зачем они здесь, Толлеус не знал и знать не хотел. На удивление вокруг не наблюдалось ни одного голема, зато искусник увидел немало повозок с деревянными брусьями и каменными блоками. Ремонт? Вряд ли. Раньше нужно было строить, а сейчас Турнир!

Хорошенько поработав локтями, искусник протолкался в самый центр к помосту, назвал себя распорядителю и показал грамоту. Тот удивленно посмотрел на потного, тяжело дышащего старика, но, пожав плечами, вписал его имя в свою бумажку. Толлеус шумно выдохнул – успел!

Паук так и остался в телеге, прикрытый от любопытных глаз искусным пологом: распорядитель почему-то не попросил предъявить голема и даже не спросил про него. Это странно, но, похоже, другие участники знали про эту особенность и поэтому просто пришли отметить, оставив свои творения где-то в другом месте.

Первые соревнования начинались уже завтра утром – что-то вроде конкурса красоты и артистизма. Номинация для человекообразных истуканов. Толлеус купил билет на зрительскую трибуну: интересно посмотреть на чародеев и их големов вблизи.

Теперь предстоит позаботиться о ночлеге, ведь уже наступил вечер. Все комфортабельные домики оказались заняты – зря искусник обвинил оробосцев в скупердяйстве, пришлось ему устраиваться в шатре. Старик выбрал самый большой. Высокий полотняный конус, в который при желании даже можно загнать повозку с лошадьми. У этого шатра имелось одно весомое преимущество – в него влез Паук, так что не пришлось оставлять его без присмотра. Правда, внутри было девственно пусто. Старик привык в Кордосе к комфорту, тяготы и лишения походной жизни он теперь переносил особенно тяжело. Погоревав из-за отсутствия удобств, Толлеус вернулся к насущным делам. Лошадей определил в конюшню, приказав Оболиусу притащить в шатер охапку сена взамен кровати.

В Палатке искусник чувствовал себя неудобно: тут находилось полным-полно чародеев, что всколыхнуло старые страхи, погребенные было за дни путешествия. К тому же в воздухе носилось огромное количество конструкторов, что немудрено при такой скученности их

создателей в одном месте. Конструкты были самые разные, назначения их Толлеус не знал. Но можно утверждать точно: пользы от них старику никакой, а вот вред вполне вероятен.

Безвылазно сидеть в шатре нет ни возможности, ни желания. Само жилище с его тряпичными стенами не могло служить защитой голему, вздумай кто-нибудь устроить диверсию. Зато Паук, по крайней мере, не на виду. Толлеус не собирался далеко отлучаться и в случае чего сумеет быстро вернуться. Поэтому он занялся наладкой системы безопасности, опутав шатер различными сигнальными и защитными контурами, как будто это не палатка в поле, а форпост на вражеской территории. Благо в арсенале посоха такого рода плетений имелось полно, не зря искусник столько лет проработал в тюрьме.

Из-за флуктуаций от искусной вязи пристанище старика стало похоже на дом терпимости, заманивающий клиентов переливами разноцветных огней, заметных, правда, только в истинном зрении. На фоне чародейских палаток, не обремененных подобной защитой, это лишь привлекало постороннее внимание.

Наконец Толлеусу удалось расслабиться. Блаженно вздохнув, он растянулся на соломе, отпустив Оболиуса осмотреться. На улице стемнело, и цикады начали свой ежедневный концерт. Искусник засветил огонек, прикрепив его к центральному столбу. Выглянув в ночную прохладу, полюбовался на чародейскую деревню – все палатки светились во тьме, создавая праздничную атмосферу. Не надо куда спешить. Сам Толлеус выступает только через несколько дней. Сначала – конкурс артистизма, затем несколько дней големы будут состязаться в скорости, и только потом начнутся соревнования на полосе препятствий, которые также продлятся несколько дней. Причем старик попал не в первый день – удачный шанс сначала посмотреть, что его ждет.

Теперь с чистой совестью можно ложиться спать. Задергивая полог, искусник заметил интересную деталь: многочисленные чародейские конструкты, клубясь на улице, совершенно игнорировали его шатер. Хотя при вселении их внутри было ничуть не меньше, чем снаружи.

– Вот ведь какие воспитанные, – пробормотал старик, засыпая.

Глава 3

Толлеус. Передышка

Солнце осветило верхушки шатров. Искусник, громко всхрипнув, открыл глаза. Оболиус, свернувшись калачиком, тихонько сопел на скромной кучке соломы у входа. Толлеус вздохнул: где те годы, когда он мог так же крепко и беззаботно спать?

Судьба подарила несколько дней праздного отдыха, надо распорядиться ими с пользой. Конечно, хорошо бы поскорее попасть в Широтон, поискать маногубки и чародейские чудеса. Но кататься на телеге с Пауком взад-вперед – на это уйдет целый день. Все-таки не помешает хоть немного отдохнуть после долгого путешествия, причем не только Толлеусу, но и животным. И осмотреться нужно, узнать, что здесь и как. А еще под плащом припрятан билет на выступление. Так что в любом случае сегодня искусник останется в деревне.

Пихнув мирно спавшего подростка в бок и распорядившись до его возвращения сидеть здесь, старик отправился на прогулку. В последнее время ходить почти не доводилось. И теперь, получив нагрузку, больные ноги взбунтовались. Благо деревня совсем небольшая: старик за какой-то час получил представление о ее планировке, а также бегло осмотрел все поля будущих жарких баталий.

Единственная дорога в деревню упиралась в площадь. Тут же располагались здание администрации и трактир. Вокруг веером раскинулись гостевые домики. Вдоль дороги с одной стороны протянулись конюшни. С другой располагалась лужайка для тренировок, пока пустующая. Еще дальше от центра были наставлены разномастные шатры, в одном из которых и обосновался Толлеус. За лужайкой обнаружилась маленькая мастерская, а также баня. Последняя вызвала у старика настоящее слюноотделение – уже скоро месяц как он нормально не мылся, обтирания не в счет.

Чуть поодаль находилась большая трибуна – по сути, рукотворный холм с установленными ради мероприятия деревянными лавочками. За ним высились смотровые вышки для серьезных гостей. Перед трибуной – обширная ровная прямоугольная площадка. Именно на этой арене проводились Турниры по многим номинациям, включая рукопашные поединки големов и соревнование в артистизме, на которое Толлеус купил билет.

С противоположной от трибуны стороны на площадке возвышалась каменная башня непонятного назначения, опоясанная поверху просторным балконом. Наверное, для зрителей и судей. Широкая, хорошо утоптанная дорога вокруг арены предназначалась для участников в номинации «Длинная миля», где големам предписывалось наперегонки пробежать несколько кругов.

Полосу препятствий, на которой Толлеусу предстояло попробовать свои силы, осмотреть не удалось. Никакого секрета в ней не было – просто очень уж далеко нужно идти. Дорога, а точнее, две, идущие параллельно, убегали вдаль до самого горизонта. Одна с препятствиями для участников – там все еще велись какие-то работы: по крайней мере, около пятидесяти загорелых и обветренных мужиков в перепачканных глиной штанах стояли у будущего старта, опираясь на лопаты, в ожидании команды. В голове даже мелькнула озорная мысль, что сейчас прозвучит сигнал и они побегут наперегонки вместо големов. Вторая дорога, ровная и удобная, в отличие от первой, предназначалась для судей и болельщиков. Вся трасса представляла собой большую окружность, старт и финиш которой как раз располагались за главной площадкой. Сюда обязательно нужно вернуться позже,

чтобы подробно изучить маршрут, но в другой раз – сегодня так далеко идти искусник был не готов.

Отдохнув на куче бревен, он отправился в мастерские по обслуживанию Турнира. Любой желающий мог договориться на персональный заказ. Старику требовались новые ступни для Паука, чтобы научить его ходить на цыпочках. Он не оставил эту мысль, даже, наоборот, развил, и теперь ему не терпелось скорее воплотить задумку в жизнь. Сейчас тонкие лапы голема упирались в центр широких, в руку диаметром, «блинов». Когда Оболиус подал идею изменить Пауку походку, искусник сперва решил сделать новые ступни в форме листа лаврового дерева и крепить за узкий край, то есть в той точке, где кромки сходятся под острым углом.

Но потом надумал поставить кузнецу более сложную задачку: сделать по четыре таких пальца-лепестка на каждую ногу, но размером значительно меньше. Такие пальцы можно будет сводить или разводить, а еще сгибать на манер ступни в месте крепления. Это открывало широкие перспективы. Загнутые вниз и сложенные вместе пальцы превратятся в подобие копыта – идеальный вариант для ровной крепкой дороги. Согнутые и растопыренные веером в виде куриной лапы – для рыхлых болотистых почв. Плюс всевозможные промежуточные варианты: площадь стопы можно менять на лету простой настройкой пальцев. Также во время шага, когда нога окажется в воздухе, все ее лепестки можно свести вместе. Тогда они не будут топорщиться в разные стороны и не зацепят соседние лапы – с этой проблемой Толлеус уже намучился.

Конечно, придется раскошелиться. Вообще металл, особенно в таких количествах, удовольствие совсем недешевое. По правде говоря, старик уже ухнул уйму денег на многочисленные переделки голема. Если бы кто-нибудь сказал ему с самого начала, во что в итоге выльются его траты, он бы бросил Паука еще в Беллусе и вообще с големами больше связываться не стал.

Маленькая наковальня в мастерской явно не годилась для реализации идей искусника. Максимум, что можно тут сделать, – это подковать лошадь. Однако железных дел мастер заверил, что все будет выполнено в лучшем виде, только не здесь, а в Широтоне. Правда, требовалось подождать – у кузнеца было много заказов.

Оболиус, расставшись с хвостом, снова обнаглел. Все время пока Толлеус завтракал, парень приставал с мольбами взять его тоже смотреть выступление. Но старик был непреклонен и снова оставил помощника стеречь Паука.

В трактире старик узнал кое-что про турнир. Сначала в течение нескольких дней пройдут отборочные соревнования, где судьи отсеют тех, кто не наберет проходной балл. А самые достойные позже примут участие во втором туре, который проводится в Широтоне на большой арене внутри Серебряного кольца. Именно он известен во всем мире как Турнир големов. Причем далеко не все участники обязаны выступать на отборочных турнирах. Именитые мастера и известные чародейские школы сразу допускались до финала. А попробовать свои силы в Палатке могли все желающие.

Пришла пора забираться на трибуну. Высоко Толлеус не полез – нет у него столько здоровья, чтобы подниматься по бесконечным ступеням. В результате видно было не очень хорошо, обзор постоянно закрывали снующие туда-сюда люди.

Впрочем, искусник увидел то, что хотел. Посмотрел на чародеев – в основном зеленых юнцов. То есть они действительно молоды и неопытны. Участвовали, конечно, и люди

в возрасте, и даже женщины. Но последние были в явном меньшинстве.

Старик впервые подробно изучил оробосских големов. Все они, как того и требовала номинация, имели человекообразный вид. Но на людей походили весьма условно: туловище, две ноги, две руки, голова. Как правило, на этом сходство заканчивалось. Одинаковых големов или хотя бы точной симметрии не наблюдалось. Размер, материал, форма, степень детализации – все индивидуально. Толлеус долго хмурился, озадаченный. Но потом решил, что того требует номинация: все люди разные, големы тоже.

Как оказалось, чародеи напрочь отказывались от механики. Бывший настройщик манонасосов даже испытал разочарование: все истуканы представляли собой смесь необработанного материала и чародейства. Искуснику нечего было почерпнуть здесь. Чародеи собирали свои творения прямо на площадке из тех самых бревен и камней, что старик заметил еще по приезду.

Толлеус даже привстал, пытаясь понять, как оробосцы это делают, но ничего не мог разобрать в бешеных переливах их аур. От этого становилось не по себе. Искусник крепко вцепился в свой посох – единственную связь с привычным укладом.

Почему-то чародеи для строительства големов зачастую выбирали тяжеленные разнокалиберные валуны. Из такого материала получались кособокие уродцы. То ли дело бревна: они одинаковы, доступны и легки в транспортировке. Тут была какая-то загадка.

Иногда попадались исключения. Один чародей собрал свое творение из кучи песка, а еще один, лихо спрыгнув с пустой телеги, преобразил ее в голема. Трюк явно удался – трибуна взорвалась криками и аплодисментами.

Зрители, рассеявшиеся на лавочках вокруг искусника, в большинстве своем тоже оказались чародеями. Толлеусу среди них было очень неудобно, однако на него почти не обращали внимания. Чародейские способности абсолютно не мешали зрителям активно делать ставки и веселиться от души. Беззаботная радость так не гармонировала с привычным образом мрачного оробосца в черной мантии, что Толлеус все время задавался вопросом: действительно ли вокруг те самые соседи, уж не приснилось ли?

Големы по очереди выполняли обязательную программу: наклонялись, приседали, взмахивали руками. Ловкости и гибкости им явно не хватало: некоторые в процессе падали или теряли конечности. Потом наиболее удачные големы пытались поразить судей мимикой, чем безмерно смешили зрителей. Толлеусу это было неинтересно. Любопытство он удовлетворил. Пора возвращаться.

Весь вечер старик провел в бане. Конечно, в его возрасте и со слабым сердцем париться нельзя. Да и вообще в жилете делать это неудобно. Но иногда надо себя баловать. Толлеус скинул одежду и, не обращая внимания на удивленных оробосцев, забрался на самую высокую полку. Маны, конечно, тратится больше, ведь надо унять давление и сердцебиение. Зато как приятно.

Толлеус блаженно вздохнул, закрыв глаза. Впрочем, тут же открыл: отдых отдыхом, но надо внимательно следить за индикаторами жилета. Посетителей было мало, а пар хорош: старик с наслаждением вдыхал терпкий еловый аромат, поднимавшийся от жаровни, и не мог насытиться. Вяло промелькнула мысль, что неплохо бы постирать, но это потом. А еще лучше поручить Оболиусу, который уже оттер с себя грязь и явно собрался куда-то улепетнуть.

Когда заведение закрылось, на небе уже горели звезды. Ужин искусник пропустил,

но есть и не хотелось. Только спать.

Глава 4

Толлеус. Перспектива

Утро для Толлеуса наступило неожиданно поздно. Очевидно, банька слишком расслабила его. Судя по светилу, которое можно было разглядеть даже сквозь ткань шатра, время приближалось к полудню. Пора вставать и заниматься делами. Подниматься не хотелось сильнее обычного. Как всегда подавив малодушное желание проваляться до вечера, старик сел и сейчас же понял, что ни в какой Широтон сегодня не поедет. Мышцы превратились в кисель и отказывались держать хозяина в вертикальном положении.

– Ну ничего, – тихонечко приободрил себя старик. – Можно еще денек провести здесь и сходить еще на одно выступление. Надо же посмотреть на чародейских големов в действии.

Успокоив себя таким образом, Толлеус с кряхтением встал – следовало озаботиться приобретением билетов.

Оболтус куда-то запропастился. Искусник недовольно пожевал губами: идти самому очень не хотелось. Оставался вариант вызвать помощника с помощью амулета-сердечка. Против ожидания парнишка не явился по первому зову. И по второму тоже.

– Наверное, вышел из зоны действия амулета, – догадался старик. – Куда же это он забрел?

Было еще одно средство: еще после памятного случая, когда рыжий вредитель решил покататься на Пауке, Толлеус поставил на помощника метку. Теперь, если раскинуть искусную сеть, можно будет примерно определить место, где тот находится. Плести искусную сеть – дело небystрое и манозатратное, а еще нужно, чтобы Оболиус двигался, иначе попадет в ячейку между нитей и останется невидимым.

Но если парень в пределах Палатки, то есть другой вариант – пустить своеобразную волну, которая, разбегаясь во все стороны, пройдет через метку и отразится обратно. Однако старик, прикинув все «за» и «против», так не сделал – этот способ хорош для близких неподвижных целей и тоже потребляет ману, а ее надо экономить. К тому же это возможно, опять-таки, если цель недалеко.

Толлеус вышел из шатра, задернув за собой полог, с помощью посоха вытянул свою ауру в длинный щуп и повел им по кругу. Несмотря на мизерную толщину и расстояние около лиги, этот щуп легко управляется и обладает большой чувствительностью – он легко опознает родную метку на ощупь. Жаль только, что без посоха аура не такая послушная, даже на десяток шагов отросток не вытянешь.

Пропажа нашлась почти сразу, старик угадал с направлением. Метка ощущалась очень отчетливо. Это означало, что помощник совсем рядом. Посмотрев аурным зрением в нужную сторону, Толлеус сразу же увидел парня. Он в самом деле находился недалеко – прятался в кустах у стены бани через дорогу. Так сразу не заметишь, но от Искусства не скроешься. Старик снова достал сердечко, вызывая помощника. Амулет работал: было видно, как Оболиус встрепенулся.

Но парнишка свои дела не бросил, по-прежнему что-то сосредоточенно разглядывая. Он сидел в кустах отнюдь не по нужде и явно прятался, то есть занимался чем-то предосудительным. Старик пребывал в хорошем настроении и решил, что если уж есть такая замечательная возможность, то надо поймать рыжего плута на горячем. Перекрыв отток маны и отключив тем самым сердечко, он шаркающей походкой потихоньку направился

к оболтусу.

Беспечный негодник настолько погрузился в свое занятие, что ничего не видел и не слышал вокруг, даже не подозревая о приближении господина. Лишь только когда затрещали ветки, он очнулся и быстро попытался спрятать красный камень в карман, но было уже поздно.

Толлеус узнал свою собственность и с неожиданным проворством сцапал воришку за ухо. Объяснения не требовались: оба в аурном зрении прекрасно видели, как «Око» издевательски медленно выплыло из стены женского отделения бани и влезло парню в ауру. Оболиус густо-густо покраснел, что на фоне рыжих волос смотрелось очень забавно. Старик развеселился еще сильнее. Пацан, конечно, ничего не украл. Но опять взял без спросу. Проступок невелик, но наказать все равно нужно, это без сомнения.

Сурово нахмурившись, Толлеус наставительно произнес:

– Все беды – от женщин. Они отвлекают юный разум от полезных дел. Юноши вроде тебя глупеют. Они создают семью, заводят детей и спиваются, так ничего и не добившись в жизни. – От длинной тирады во рту пересохло, и старик на мгновение замолчал.

Оболиус, пританцовывая, чтобы как-то облегчить боль в ухе, пискнул:

– А как же любовь?

– Любовь?! – возмутился старик. – Какая у тебя там любовь? – ткнул он пальцем в стену здания. – Любовь в голове, а не в бане!

Тон искусника стал успокаивающе-дружелюбным. Он даже потрепал парня по плечу и доверительно сообщил:

– Но я легко решу твою проблему. Искусство – великая вещь. Сейчас я навсегда отобью у тебя всякую охоту до женщин. И не забудь сказать мне потом спасибо.

– Сейчас-сейчас, где-то у меня тут подходящее плетение, – бормотал старик, делая вид, что настраивает посох. – Быстро и безболезненно. Никакой варварской операции...

Нервы Оболиуса не выдержали, и он с криком кинулся наутек, обдирая кожу о колючие ветки. Хихикая, Толлеус какое-то время смотрел вслед напуганному до полусмерти помощнику. Потом пошел обратно в шатер, зажав в кулаке камень «Ока».

Чуть-чуть не дойдя до входа, старик остановился. Интересно, как пацан смог управиться с конструктом? Почему тогда у Толлеуса, посвятившего Искусству столько лет, не получается? Значит, не в мастерстве дело и плетения тут не нужны. Тут есть какая-то маленькая хитрость.

Толлеус заглянул в камень. Судя по картинке, конструкт свободно порхал где-то над головой старика. Разглядеть его никак не удавалось, он совершенно терялся на фоне других чародейских созданий, которые летали вокруг в большом количестве. И немудрено – столько чародеев собралось в одном месте! Причем, что любопытно, не только искусник видел конструкты, деловито снующие взад-вперед, но и «Око». Только старик видел какие-то маленькие фигурки, похожие на осьминогов, звездочки, шарики с аурой-оболочкой вокруг, а камень показывал их как разноцветные светящиеся точки. Есть ли в этом какой-нибудь смысл, Толлеус не знал, но это было любопытно.

– Покажись! – благодушно пожелал искусник, озираясь по сторонам.

Словно по команде конструкт тут же подлетел к Толлеусу и завис перед лицом. Боясь испортить ситуацию и неловким движением вспугнуть «Око», Толлеус медленно вошел в шатер. Там можно спокойно прилечь, и чародейские конструкты не мельтешат перед глазами. Все-таки что-то он сделал не так: конструкт вдруг метнулся вперед и спрятался

в своем камне.

Добравшись до копны сена, выполнявшей роль постели, искусник с шумным вздохом плюхнулся на нее.

– Покажись! – снова позвал он «Око».

Совпадение или нет, но конструкт выскочил из камня и, нырнув старику в ауру, стал нежиться там, словно изголодавшаяся по ласке женщина. Раскинув руки и глядя в потолок, искусник начал размышлять. Проголодаться конструкт не мог, он недавно «ел». Тут что-то другое. Слишком много совпадений – это уже система. «Око» действительно слушалось хозяина в какие-то моменты. Необходимо найти закономерность.

Сейчас, когда конструкт находился в ауре, старик получил еще одну возможность поэкспериментировать. Напрягшись, он сформировал аурный щуп, поймав им конструкта. Да, управлять «Оком» с помощью ауры получалось. Толлеус все понял – именно этим способом чародеи управляют своими творениями. Аурой. Хотя нет, не совсем так. Те конструкты, что летают по улице, – они сами по себе, без аурных поводков хозяев. Выходит, аурный контакт нужен лишь на начальном этапе, когда конструкт получает приказ. Но чтобы своевольное чародейское создание послушалось, нужны правильные эмоции: недаром ведь конструкт прилетал всякий раз, когда настроение старика было хорошим, и тут же улетал прочь, когда искусник сердился.

Толлеус разгадал тайну, но от этого легче не становилось: он не мог управлять «Оком» подобным способом. Чародеи всю жизнь обучались самоконтролю и работе с аурой. Самое обидное, что, похоже, выдающиеся способности тут не нужны, раз уж работать с «Оком» получается даже у мальчишки-помощника. Однако почему-то у старика возникают проблемы, даже несмотря на годы тренировок. Может, как раз в этом все дело и во всем виноваты какие-то особенности обучения в Академии?

Нет, конечно, можно с помощью посоха вытянуть аурный щуп – точь-в-точь как Толлеус делал совсем недавно, и управлять «Оком» напрямую. Это не по-чародейски, но работать будет. Вот только ограничений у такого метода слишком много. И самое серьезное из них – всегда придется делать это лично, концентрируя внимание только на управлении. Да и постоянно контролировать эмоции в угоду капризному чародейскому созданию – извините, увольте! Очень жаль, но дорогая игрушка себя не оправдала. Старик уже собрался убрать камень с глаз долой, но замешкался: одна вещь не давала ему покоя. Вот только какая именно?

Додумать мысль он не успел. Взгляд невольно зацепился за яркое пятно солнца, просвечивающего через потолок шатра. Полдень! Вот-вот начнутся выступления големов. А старик совсем забыл послать Оболиуса за билетами. Просидеть день в Палатке и не сходить на Турнир – это непозволительная роскошь.

– Где же Оболтус? – задался вопросом искусник, вскакивая с соломы и снова включая поиск метки.

В этот раз ответ пришел слабый. Очевидно, паренек находился не близко. Сердечко можно даже не пробовать: совершенно понятно, что рыжий помощник сейчас не прибежит со всех ног на зов.

– Ишь как я его напугал! Эдак пацан совсем сбежит. – Толлеус почувствовал легкую вину. Надо как-то успокоить парня.

Если бы старик знал координаты рыжего недоросля не приблизительно, то можно было бы кинуть туда искусную нить и передать по ней голос – тут не требуется плетение

связи. Канал получится односторонний, но это уже мелочи. Беда в том, что определить точно координаты метки можно, только сделав запрос одновременно с трех удаленных друг от друга точек. Иначе появлялась погрешность.

Подстегнутое обстоятельствами воображение старика подсказало выход: если метка не двигается, то запросы можно сделать с разных мест по очереди, а не одновременно.

Толлеус потратил целых десять минут, чтобы узнать координаты. А потом еще пришлось уговаривать невидимого парня вернуться, причем без гарантии того, что адресат слышит. Однако искусник все сделал правильно. Лишь только он пообещал взять Оболтуса с собой на Турнир, метка пришла в движение.

К тому моменту когда Толлеус вывел Паука из шатра и загнал его на телегу, из конюшен примчался Оболиус. Он сноровисто запряг лошадей, и повозка, подпрыгивая на кочках, покатила к арене. Старик разом убил двух зайцев: и не оставил голема без присмотра, и решил проблему отсутствия билетов. Он стал править не к трибуне, а поехал с противоположной стороны арены, где собирались чародеи, выступающие сегодня. Дюжие молодцы, взглянув на метку участника, приветливо распахнули перед ним ворота, и искусник оказался на территории комплекса. Поставив телегу так, чтобы никому не мешать и не мозолить глаза, Толлеус и Оболиус приготовились к зрелищу. Место с противоположной от трибуны стороны, конечно, далеко не элитное. Впрочем, трибуна все равно переполнена, так что выбирать не приходится.

«Вот когда пригодилось бы «Око». А теперь придется довольствоваться своими глазами», – с сожалением подумал старик. Конечно, возможность использовать конструкт все-таки имелась – часа не прошло, как кордосец придумал способ. Но искусный посох – не какой-то там амулетик для управления чародейскими игрушками. К тому же не хотелось делать это на людях.

Сегодня управляемые големы будут соревноваться в скорости. Это не вчерашние ужимки человекообразных болванов на потеху публике. Это уже серьезно.

Турнир должен был вот-вот начаться. Ревели трубы, шумели зрители. Участники-големы выстраивались друг за другом согласно неведомому порядку, а участники-чародеи занимали места по краям дороги.

Старик предполагал, что беговые големы похожи на лошадей. Однако в основном это были уже знакомые ему неуклюжие двуноги. Лишь один из них обладал другой формой, с натяжкой, но все же напоминая резвого скакуна. Он как раз неспешно топал к своему месту в колонне. Толлеус поискал взглядом его чародея и сразу же нашел. Тот плелся позади собственного творения, которое полностью повторяло движения хозяина. Да-да, чародей-поводырь ковылял, согнувшись в три погибели и упираясь в землю двумя поленьями, зажатыми в руках, как будто это была вторая пара ног. Очевидно, оробосцы как-то ассоциировали себя со своими големами.

Эта идея нашла свое подтверждение, когда раздался звук горна и Турнир начался. Стена несуразных фигур дружно качнулась вперед, а следом побежали чародеи. По сути, големы лишь повторяли движения хозяев. Толлеуса даже смех пробрал. Ладно юнцы, но вот, высоко задирая ноги, бежит старец, убеленный сединами, а полы кафтана развеваются за спиной. Несolidно, дорогие соседи!

Впрочем, побежали не все. Группа из пяти чародеев постарше сгрудилась на арене, управляя своими творениями как-то по-другому, без ненужных движений.

Когда Турнир начался, старик приготовился увидеть нечто удивительное. Однако его

ждало разочарование. Никаких умопомрачительных скоростей. В самом лучшем случае големы двигались со скоростью чародеев, несущихся следом. И даже там, где голем за счет большего размера ног делал более длинный шаг, он терял время на поворотах – у хозяев не получалось правильно отслеживать местоположение свое и своего питомца. Зачастую големы в такие моменты спотыкались, сталкивались и даже падали под рев трибуны.

Четвероногий голем, которого Толлеус представлял победителем, плелся в числе последних. Оказывается, много ног ему нужны не для стремительного бега, а чтобы легче держать равновесие. Его поводырь ковылял сзади со своими поленьями, вызывая улюлюканье и смех.

Впрочем, пятерка големов, ведомых корифеями с арены, выгодно отличалась в этом плане от своих неуклюжих товарищей. Они бежали быстро и элегантно, как настоящие спортсмены. Сразу было понятно, что соревнуются они только друг с другом и победит один из них.

И все же Толлеус с удивлением понял, что его Паук вполне мог потягаться в скорости с оробосскими творениями.

– Эх, кто же знал, – с обидой заворчал он так громко, что даже Оболиус отвлекся от зрелища и обернулся. Такая вот ирония судьбы: есть возможность победить, но нет возможности участвовать. Увы, подавать заявление на «Длинную милю» уже поздно.

Зуд неудовлетворенности был так велик, что искусник все же решил привлечь внимание к своей персоне, поборов природную скромность и пожертвовав маной, которой и так не хватало. Двигало им не тщеславие, просто нужно показать оробосцам, что кордосцы тоже могут, когда захотят... Другого случая, наверное, не представится. Так пусть знают.

Спустившись с телеги и потихоньку сгрузив голема, бывший настройщик строго-настрого наказал Оболтусу сидеть здесь, а сам направился к арене. Внешний край дорожки был огорожен заборчиком, и тут никого не наблюдалось, кроме редких фигур не то судей, не то кого-то из обслуживающего персонала.

Привычно перехватив двумя руками посох не хуже заправского бойца, Толлеус дождался, когда тройка лидеров, бегущих одной группой, поравняется с ним. Повинуясь команде посоха, Паук побежал вокруг забора, дистанционно управляемый искусником. Трибуна как по команде затихла. К каменному топоту чародейских големов прибавился металлический лязг паучьих лап.

Старик сразу же поставил максимальную скорость, и его детище стало уверенно вырываться вперед. На повороте, правда, пришлось сильно сбавить: поворачивать под прямым углом Паук быстро не умел. Каменные громады приблизились, но на боковой стороне шестиног опять ушел в отрыв. Проблемы начались по противоположной, ближней к трибуне стороне арены. Видно ее было плохо, а людей там стояло не в пример больше, чем в других местах. Вот уж чего искусник точно не хотел, так это задавить какого-нибудь оробосца.

– Уметь бы пользоваться «Оком»! – сжал кулаки старик.

Но в этой ситуации задействовать конструктор в самом деле было невозможно: искусник попросту не смог бы разорваться и управлять одновременно им и шестиногом.

Делать нечего, пришлось вести своего голема на самой малой скорости, в надежде, что люди сами уступят невиданному чудовищу дорогу. Чародеи воспользовались замешательством и перегнали Толлеуса, пройдя еще один поворот. Но вот и искусник добрался до него, и Паук бросился вперед с новыми силами, разбрасывая вокруг комья

земли. На финишной прямой старик снова обогнал оробосских лидеров.

Одного круга для пробы сил и демонстрации своих возможностей вполне достаточно. Нечего ману тратить попусту. Големы умчались дальше, а довольный Толлеус под шум ожившей трибуны тихонько повел Паука к своей телеге.

Досье. Входящий № 8623

Широтон. Координационный центр «Недремлющего Ока»

Отчет службы Изысканий о демонстрации возможностей искусного голема «Кордосский Паук» в номинации «Длинная миля» Турнира големов

Приложение 1. Аналитический обзор судейского комитета.

Приложение 2. Выписки из журнала наблюдения за искусником № 1-409.

Приложение 3. Заключение отдела Судеб службы Поиска Истины о малой вероятности выхода искусника в финал Турнира големов.

Резолюция

Службе Изысканий

Предложить способы влияния на действия искусника № 1-409.

Службе Спокойствия

Выявить причины неучастия искусника № 1-409 в номинации «Длинная миля» Турнира големов.

Службе Познания Искусства

У вас была неделя для более детального изучения голема! Где доклад?!

Широтон. Координационный центр «Недремлющего Ока»

Координатор Нити, щуплый невысокий мужчина лет тридцати пяти, поставил роспись под резолюцией, со вздохом отложил доклад и помассировал глаза. Стены полутемного кабинета как будто сжались, сдавливая разум, съедая воздух, который так необходим мозгу. И свет. Нужно добавить света, потому что пяток свечей в подсвечнике перестал справляться с темнотой. Впрочем, Стациус эль Горано прекрасно осознавал, отчего вдруг изменилось мироощущение. У него так всегда: когда возникают проблемы, появляются тревога и дискомфорт.

С капризным восприятием сладить легко, надо лишь открыть окно, впустив внутрь вечернюю прохладу, и зажечь еще свечи. Координатор немедленно занялся делом. Конечно, можно кликнуть прислугу (кто-нибудь обязательно дежурит за дверью), но Стациус не хотел, чтобы в службе стали шептаться об этом его маленьком бзике – по несколько раз на дню хлопать ставнями и устраивать светопреставление со свечами. Не прошло и двух минут, как чувство тесноты и тревоги прошло.

Увы, с наметившейся проблемой, вызвавшей приступ, так просто не сладить. Мужчина протянул худую руку и тонкими холеными пальцами снова взял доклад, который совсем недавно отложил в сторону. Вчитавшись в сухие строки еще раз, он скривился, будто от бумаги потянуло тухлой рыбой.

Ситуация складывалась тревожная, и это требовало нового взгляда на все дело. Разумеется, не стоит закрывать многообещающую Нить. Это крайние меры. Работа проведена большая, задействована масса ресурсов, жалко одним махом их выбрасывать, тем более что тревожный симптом – еще не болезнь. Оракул дает благоприятный прогноз. Ситуацию вполне можно переломить в свою пользу. До сего момента на небосклоне не было ни одной тучки: старый больной искусник, тощий и грязный голем на величайшем Турнире страны – чем не повод улыбнуться? Его выступление было желательно.

«Кордосский Паук» оказался шустрее, чем того ожидали. Печально, но это еще не гроза, а всего лишь облачко на горизонте. Вселяло тревогу другое – возможно, подобный сюрприз не один. Чистое везение, что искусник не заявился на «Длинную милю». Полоса препятствий все же отличается, к участникам предъявляются совсем иные требования. Возможно, там разберутся с кордосцем. В этой номинации скорость не играет решающей роли. Все же пускать дело на самотек нельзя ни в коем случае. И без того вышло некрасиво – будет проверка, которая сразу же выйдет на Стациуса. «Куда смотрело «Недремлющее Око», если искусники срамят чародеев в их вотчине?» Вопрос именно к нему. И что с того, что это всего лишь отборочный турнир и формально старик в нем не участвовал?..

Координатор скривился, когда, занятый невеселыми размышлениями, нечаянно выдернул черный волос из аккуратной клинообразной бородки, которую до того лишь поглаживал. Поднявшись с мягкого стула, Стациус подошел к окну и хорошенько потянулся. Захрустели затекшие суставы, отозвавшись болью в пояснице. «Пожалуй, надо разминаться почаще», – мелькнула мысль.

С искусником ничего не должно случиться, он должен выйти на старт. Иначе сейчас же найдутся балаболы, готовые исказить и сочинить. А потом заклятые соседи будут

спекулировать этими слухами: несмываемое пятно ляжет на Орбос, да и репутации «Недремлющего Ока» подобное не на пользу.

«Самый надежный способ добиться результата – заставить искусника делать то, что выгодно нам, – вернулся Стациус к своим думам. – Или же другой способ – надавить, расшатать психику. Человек не может ставить рекорды, когда его голова занята другими вещами. А еще лучше сразу совместить оба способа, результаты будут лучше».

Глава 6

Толлеус. Жизнь в большом городе

Небо затянули серые тучи, поэтому Толлеус поехал в Широтон не с самого утра, как собирался накануне. Мокнуть под морозящим дождем – то еще удовольствие. Однако терять еще один день в деревне старик не хотел, поэтому выбирать не приходилось. Оболиус явно не разделял энтузиазма искусника. Будь его воля, он бы весь месяц провел в Палатке, глядя на состязания големов. Парень сонно тер глаза и широко зевал, норовя уснуть прямо на облучке. Толлеус тоже чувствовал себя не лучшим образом. Он почти не спал всю ночь – от погоды заныли суставы, не позволяя расслабиться и задремать. Но отключать чувства старик не хотел, экономя ману. Даже лошади брели сегодня еле-еле, понуро опустив головы.

Оболиус, обычно молча выполнявший распоряжения господина, нынче проявил строптивость.

– В Широтоне-то что? – с унынием спросил он, повернувшись назад.

– Сокровища, – коротко ответил старик, и в памяти всплыли, снова замелькав перед мысленным взором, видения. – Только получить их очень трудно, – со вздохом добавил он удрученно.

– Так куда ж мы в такую погоду? Серебряную башню грабить? – В голосе парня появился неподдельный интерес.

– Серебро... – презрительно протянул искусник и смачно сплюнул за борт. – В Широтоне есть библиотека. Величайшее собрание книг и манускриптов всего мира. Мы едем туда.

Столица Оробоса встретила путников необычайным оживлением. Похоже, плохая погода никоим образом не влияла на число празднующихся. Если через кварталы ремесленных гильдий еще можно было нормально проехать, то купеческое Бронзовое кольцо стало для повозки настоящим испытанием. Причем самое обидное, что огромная ширина улицы вполне позволяла всем идти и ехать без задержек.

[Купить полную версию книги](#)

Надплетение – плетение, позволяющее искуснику состыковать куски чужих (зачастую даже непонятных и более сложных) плетений или же реализовать привычный (стандартный) интерфейс для чужого плетения. Дисциплина формирования надплетений появилась в Кордосе сравнительно недавно, когда возникла необходимость массового применения по всей империи древних артефактов из раскопов или же фрагментов плетений, составленных сильными искусниками.